

содержит нецензурную брань

18+

Время вышло

Андрей **Рубанов** ■ Сергей **Шаргунов**
Герман **Садулаев** ■ Эдуард **Веркин**
Александр **Иличевский** ■ Александр
Снегирёв ■ Александр **Пелевин**
Алексей **Сальников** ■ Дмитрий **Захаров**
Ксения **Букша** ■ Вадим **Панов** ■ Алиса
Ганиева ■ Денис **Драгунский**

современная русская антиутопия

**Вадим Юрьевич Панов
Ксения Сергеевна Букша
Александр Снегирёв
Андрей Викторович Рубанов
Эдуард Николаевич Веркин
Александр Викторович Иличевский
Сергей Александрович Шаргунов
Герман Умаралиевич Садулаев
Денис Викторович Драгунский
Алексей Борисович Сальников
Дмитрий Сергеевич Захаров
Алиса Аркадьевна Ганиева
Александр Сергеевич Пелевин**

**Время вышло. Современная
русская антиутопия**

*Время вышло. Современная русская антиутопия:
ISBN 978-5-00-139577-5*

Аннотация

Сборник рассказов. Время вышло. – попытка ухватить реальность, создать слепок настоящего и всмотреться в будущее. Тринадцать известных современных российских писателей – Андрей Рубанов, Сергей Шаргунов, Герман Садулаев, Эдуард Веркин, Александр Иличевский, Александр Снегирёв, Александр Пелевин, Алексей Сальников, Дмитрий Захаров, Ксения Букша, Вадим Панов, Алиса Ганиева и Денис Драгунский – обращаются к жанру антиутопии и размышляют о том, что нас ждёт. Тринадцать рассказов, написанных для этого сборника, – это тринадцать отдельных миров, альтернативных реальностей, непохожих одна на другую: фантастические, условные, реалистичные, гротескные. Это не только современный литературный процесс в миниатюре, но и окружающий нас мир во всём своём многообразии. И будущее этого мира, в котором что-то пошло не так.

Содержание

Предисловие издателя	7
Андрей Рубанов	10
Эдуард Веркин	32
Александр Снегирёв	88
Дмитрий Захаров	93
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Время вышло. Современная русская антиутопия *Рассказы*

Редактор *Анна Матвеева*

Издатель *П. Подкосов*

Продюсер *Т. Соловьёва*

Руководитель проекта *М. Ведюшкина*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *Ю. Сысоева, С. Чупахина*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

© Букша К., Веркин Э., Ганиева А., Драгунский Д., Захаров Д., Иличевский А., Панов В., Пелевин А., Рубанов А., Садулаев Г., Сальников А., Снегирёв А., Шаргунов С., 2022

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому исполь-

зованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Предисловие издателя

«Времена не выбирают, / В них живут и умирают», – написал в конце семидесятых поэт Александр Кушнер, и эти строки вошли в число наиболее известных поэтических цитат второй половины XX века. Выбрать время, в котором выпало родиться, действительно невозможно. Но можно ли угадать будущее? Век за веком писатели улавливали знаки эпохи и делали в своих книгах краткосрочные и долгосрочные прогнозы, словно бы путешествуя по времени. Чем сложнее и опаснее становилась ситуация в мире, тем тревожнее были эти предчувствия. Мрачный взгляд на будущее был связан с появлением новых технологий и опасениями перед последствиями для человечества, с ухудшением экологии, ставящим под угрозу существование нашего вида, и нестабильной политической ситуацией, когда государства начинали закручивать гайки, предсказуемо ограничивая свободу личности.

Жанровые границы антиутопии достаточно широки, к ней в разное время относили некоторые произведения Дюрренматта и Чапека, Набокова и Булгакова, Платонова и Стругацких, Воннегута и Ивлиева. Сам термин был зафиксирован в словарях незадолго до Первой мировой войны. Первая половина XX века – это время великих романов «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, «Мы» Евгения Замятина, «1984»

Джорджа Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» Рэя Бредбери, «Процесс» Франца Кафки. Это всегда тревожная, негативистская, чуть отчуждённая проза, проза мрачных предзнаменований, особого, не экзистенциального, а объективированного страха за человека эпохи бесчеловечности. И в то же время это предостережение, выкрик, предупреждающий об опасностях будущего для мира и человеческой индивидуальности.

Ежегодные цифры мировых продаж того же Оруэлла показывают, что и сейчас, спустя семьдесят с лишним лет после написания, его произведения – как и жанр в целом – не теряют своей актуальности. Да, время прошло, но, оглядываясь на окружающую реальность и вчитываясь в прогнозы писателей разных стран, мы приходим к выводу, что оно не просто прошло, оно – вышло. Этот сборник – наша попытка ухватить реальность, создать слепок настоящего и всмотреться в будущее. Тринадцать известных современных российских писателей, с разными авторскими манерами, взглядами, опытом, обращаются к жанру антиутопии и размышляют о том, что нас ждёт. Кто-то – о том, что нас ждёт совсем скоро, кто-то – в более отдалённом будущем, но длина временной дистанции здесь не главное. Главное, что тринадцать рассказов этого сборника – это тринадцать отдельных миров, альтернативных реальностей, не похожих одна на другую: фантастические, условные, реалистичные, гротескные. Это не только современный литературный процесс в мини-

атюре, но и окружающий нас мир во всём своём многообразии. И будущее этого мира, в котором что-то пошло не так.

Павел Подкосов

Андрей Рубанов

Аз Иванов. Выход в деньги

1

Данная краткая статья написана более десяти лет назад специально для портала «История финансов» и не является научной работой в полном смысле слова.

Перед вами нон-фикшн, научно-популярный текст, созданный коллективом авторов, пожелавших остаться анонимами.

В последние годы выдвигались предположения, что автором статьи является сам Альфред Треф, первый глава российского Азиобанка, однако доказательств авторства упомянутого лица не существует. После смерти Трефа в его рабочих материалах не обнаружено ни одного намёка на биографические данные математика Иванова. Более того, Иванов и Треф не были знакомы, никогда не встречались и не состояли в переписке.

Позднейшие биографы Трефа и Иванова – если мы ведём речь о серьёзных специалистах, а не об охотниках за сенсациями – отрицают авторство Трефа.

Данная статья содержит не менее 50 ссылок на источни-

ки, включая как академические труды и архивные материалы, так и сравнительно легковесные публикации в СМИ. К сожалению, часть ссылок работает некорректно, однако, как представляется, это не мешает воспринимать настоящую работу как достаточно солидную; она будет интересна широкому кругу читателей.

Для каждого из многих авторов работа по созданию данной краткой статьи носила принципиальный характер.

2

Российский математик Аз Иванов родился 15 июня 2006 года. Биографических сведений о нём мало. Впоследствии Иванов сам приложил усилия к тому, чтобы информация о его личности исчезла из всех электронных баз. К настоящему моменту в мировой Сети вообще не существует свидетельств о биографии и судьбе Иванова; уцелели только архаичные бумажные материалы, все они в настоящее время находятся в частных коллекциях либо в архивах.

Существует также – неизвестно, насколько важный, – пул документов, засекреченных на уровне спецслужб и Министерства обороны Российской Федерации, и мы, увы, даже приблизительно не знаем, когда общественность сможет получить к ним доступ.

Аз Иванов появился на свет в городе Горно-Алтайске, прежде – Ойрот-Тура. Мать Иванова была наполовину рус-

ская, наполовину башкирка, по профессии – музейный работник. Отец – наполовину ойрот, наполовину русский, по профессии – учитель истории и литературы. Аз Иванов был их единственным сыном. Необычное имя для мальчика родители придумали сообща. В древнерусской азбуке Аз – первая буква, аналогичная современной А. При этом «аз» является ещё и личным местоимением, означающим «Я». То есть в переводе с архаичного русского «Аз Иванов» означает «Я, Иванов».

По окончании средней школы Иванов переехал в Москву и продолжил обучение на экономическом факультете Московского государственного университета.

Уцелели буквально считанные фотографии Иванова, в основном детского и юношеского периодов. Из них можно заключить, что Аз Иванов имел необычную внешность: один глаз его был карий, второй – зелёный, правое ухо было оттопырено сильнее левого, правое плечо – намного ниже левого. Рост не превышал 1 м 60 см.

Свою революционную концепцию «умных», или «мыслящих», денег студент Иванов выдвинул уже в первые годы учёбы.

Иванов предположил, что если капитал имеет сознание, то главное его желание – быть вложенным, инвестированным, поменять хозяина.

Иными словами, если деньги имеют разум – они мечтают о том, чтобы их потратили.

Исходя из этой теории, в те времена казавшейся сомнительной или даже еретической, Аз Иванов разработал математический проект принципиально новой мировой валюты: так называемые мыслящие деньги.

Речь шла о супервалюте – единой для нескольких государств Азиатского региона, прежде всего для Китая, Индии, России и Вьетнама.

Образцом для создания новых денег послужила всем известная и давно морально устаревшая европейская супервалюта – евро.

В грубом пересказе идеи математика Иванова до сих пор кажутся сомнительными и пугают. Однако первый же научный труд, посвящённый «мыслящим» деньгам, датированный 2026 годом, а именно курсовая работа студента 3-го курса экономического факультета МГУ, вызвал столь большой интерес у преподавательского состава, что в следующем, 2027 году студент Иванов уже получил грант правительства Российской Федерации на продолжение научной деятельности в том же направлении.

В нагрузку к щедрому финансированию студент Иванов обрёл и кураторов – сотрудников государственных спецслужб, внимательно наблюдавших за деятельностью своего подопечного.

Есть ряд фактов, указывающих на то, что в период 2027–2030 годов Иванов раздумывал о переезде в США. Мы нашли глухие упоминания о том, что ведущие американские

университеты хотели бы видеть молодого математика в числе своих сотрудников. Но Иванов не уехал.

По свидетельствам немногочисленных современников, знавших Иванова лично, он был очень тяжёлым в общении, практически аутистом, не имел друзей и связей с женщинами; впрочем, существует, как многие помнят, книга некоей Анны Штопор под провокационным «жёлтым» названием «Я с ним спала». Факты, изложенные в книге, до сих пор подвергаются сомнению и оспариванию.

Известно, что к работе в американских университетах Иванова склонял московский журналист и биржевой аналитик Анатолий Крамер, впоследствии арестованный в Челябинске за измену Родине и до сих пор отбывающий пожизненный срок в колонии «Полярная сова» в посёлке Харп Ямало-Ненецкого автономного округа.

Всё, что происходило с Ивановым после 2031 года (ему тогда исполнилось 25 лет), нам практически неизвестно. Его дипломная работа была засекречена уже на стадии написания. Иванов так никогда и не опубликовал полный текст упомянутого научного труда: скорее всего, его уже тогда связывали некие джентльменские, устные соглашения со своими кураторами или даже с руководством России.

Судя по косвенным свидетельствам, превращение в засекреченного учёного никак не повлияло на повседневную жизнь и деятельность Иванова: он продолжал много и плодотворно работать, а редкие часы досуга посвящал велоси-

педным прогулкам.

К этому же времени относится знакомство Аза Иванова с Марией Тихомировой.

Сейчас трудно представить, что были времена, когда имя этой девушки не было известно миллиардам людей.

Спустя год после знакомства Иванов и Тихомирова зарегистрировали брак. Одновременно Иванов передал все права на свою интеллектуальную собственность супруге.

Злые языки до сих пор утверждают, что Иванов сделал это, опасаясь за свою жизнь; якобы он предполагал, что кураторы из политической контрразведки ликвидируют его, как только он доведёт проект до конца. Точно так же, как помнят историки, в своё время был ликвидирован Лаврентий Берия, руководитель работ по созданию советской атомной бомбы.

Разумеется, нам неизвестны планы кураторов математика Иванова. Так же как неизвестны их имена и звания. В любом случае российские органы госбезопасности в середине XXI столетия давно не практиковали физическое устранение неугодных граждан; в распоряжении спецслужб имелись самые изощрённые технологии, позволяющие нейтрализовать любого субъекта, не прибегая к прямому и грубому физическому насилию. Но мы в данной работе не намерены анализировать действия спецслужб – это просто вне нашей компетенции. В любом случае Иванов, как представляется, не имел никаких иллюзий относительно своих покровителей; он был гораздо умнее их и вёл собственную игру.

Мария Тихомирова получила профессию психолога и около трёх лет работала по специальности, хотя муж настаивал на том, чтобы супруга неотлучно находилась при нём: Иванов с трудом выдерживал даже кратковременную разлуку с любимым человеком.

У Иванова и Тихомировой не было детей. Причина неизвестна. Их медицинские карты уничтожены. Информация о ДНК Иванова и Тихомировой стёрта отовсюду. Позднее в публичном поле возникли несколько авантюристов обоих полов, объявивших себя потомками Иванова и Тихомировой. Наиболее известный из них – некто Марк Тихомиров, автор бестселлера «Аз есмь сын Аза», но этот деятель давно разоблачён.

Единственным детищем Иванова, его ребёнком, плодом огромных созидательных усилий явилась его работа: математическая модель мировой валюты нового типа.

3

В начале карьеры научные руководители Иванова, а также его покровители и кураторы рассматривали новичка всего лишь как талантливого парня, которого следует «приберечь на перспективу». Научный авторитет 25-летнего математика-экономиста Иванова был равен нулю.

В России, как и повсюду в мире, многие учёные разрабатывали проекты новых финансовых инструментов, в том

числе новых валют и супервалют.

В частности, финансисты помнят провальный проект «амеро» – супервалюты, единой для обоих американских континентов, от Гренландии до Чили, а также Австралии и Новой Зеландии. Нетрудно догадаться, что проект был торпедирован прежде всего экспертами из США: они резонно рассудили, что вся нагрузка на обеспечение амеро ляжет на экономику Соединённых Штатов. Иными словами, Америка не получала никаких выгод. Правильнее было держаться за старые добрые доллары как за самые обеспеченные и надёжные деньги планеты.

Примерно та же участь постигла и появившийся в начале 30-х годов проект супервалюты «нафта» – этот инструмент должен был интегрировать в единое целое экономики нефтедобывающих стран Персидского бассейна: Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии, Бахрейна и Ирака. К делу предполагалось привлечь также Турцию и Египет. Эта супервалюта имела опцию: её нельзя было отдать в рост под проценты, поскольку такие действия не одобряет Коран. Как и в случае с амеро, разработка условно арабской, нефтяной супервалюты затормозилась уже на стадии предварительных расчётов. Огромные мусульманские общины Аравии и Ближнего Востока не смогли договориться о равных правах на эмиссию нефти; ныне этот проект приостановлен.

В этой связи разработка Ивановым новой супервалюты казалась учёному сообществу оригинальной и любопытной,

но записывать молодого человека в спасители мира никто не спешил.

Всё изменилось в 2033 году, во времена, теперь известные как Пасхальная война.

4

Современные интеллектуалы предпочитают называть её «Трёхсекундная война», а подростки – «Жертва машин».

Теперь, когда некоторые архивы открыты, мы получили интересные сведения, доказывающие, что Аз Иванов предсказал и саму Трёхсекундную войну, и её последствия.

Вероятнейшей датой начала новой войны Иванов назвал пасхальные дни 2033 года. Две тысячи лет исполнялось со дня воскресения Христа; миллиарды людей по всему земному шару собирались праздновать глобальный юбилей, победу жизни над смертью.

Лучшего момента для удара невозможно было себе представить.

Аз Иванов предположил, что война будущего разразится не между искусственным интеллектом и человеком, а между разными искусственными интеллектами. По расчётам Иванова, каждое большое государство к началу 2030-х годов должно было создать (и в итоге создало, как мы помним) свой собственный искусственный интеллект. Разумеется, искусственные интеллекты создавались в первую очередь

как аналитические ресурсы на службе генеральных штабов. Иными словами, речь шла о мощнейших суперкомпьютерах, непрерывно просчитывающих модели будущих войн.

Нечто подобное произошло во второй половине 40-х годов XX века, когда крупные государства – США и СССР – поспешили создать собственное ядерное оружие и установить на планете ядерный паритет.

Далее, Аз Иванов предположил, что война между машинами разразится отнюдь не в реальности, а на просторах мировой Сети и продолжится считанные секунды.

Не будет конфликта, известного всем по фильмам о Терминаторе, понял математик Иванов; не будет никакого зловещего «Скайнета», не будет титановых роботов-андроидов, расстреливающих из бластеров несчастных людей.

«Скайнет» не унижится до убийства живых существ – ему будет важнее битва с другим таким же «Скайнетом».

Когда два великих воина далёкого прошлого начинали смертельный мечевой поединок, они не обращали внимания на обезьян, бегающих вокруг.

Точно так же в 2033 году искусственные интеллекты, сойдясь в схватке, не обратили внимания на людей – низшую, по их мнению, форму жизни.

Как мы теперь знаем, прогноз математика Иванова сбылся в точности. Мировая война разразилась в Пасхальную ночь 2033 года и длилась 2,849 секунды, завершившись одновременной капитуляцией всех армий и суицидом всех основ-

ных мировых искусственных интеллектов: Американского, Китайского, Японского, Российского, Индийского, Британского, Французского, Немецкого.

Одновременно с самоликвидацией искусственных интеллектов по их приказу были уничтожены все электронные базы данных воевавших армий, всё программное обеспечение, вся телеметрия, вся переписка, вся статистика, все оцифрованные архивы; оказались до дна стёрты все банковские счета военнослужащих – от рядовых до маршалов и главнокомандующих, а также все корреспондирующие счета. То же самое коснулось планетарного военно-промышленного комплекса; он просто перестал существовать. Все заводы, производившие военную продукцию, обанкротились мгновенно, вся инженерная документация исчезла.

Ослепли и оглохли авианосцы, и подводные лодки, и стратегические бомбардировщики. Спутники-шпионы потеряли управление и постепенно один за другим сгорели в атмосфере. Остановились предприятия по обогащению урана и фабрики по производству ракетного топлива. А поскольку мировая производящая экономика на две трети была завязана на военную промышленность – мировую экономику постиг жесточайший кризис.

Те, кто помнит послевоенные времена, скажут, что это был вовсе не кризис, а настоящий крах. Но наша цивилизация с честью выбралась из тупика. Менее десяти лет понадобилось, чтобы восстановить все структуры жизнеобеспе-

чения. Пасхальную войну и «Жертву машин» мы вспоминаем теперь с уважением и благодарностью.

В те первые послевоенные годы Аз Иванов и осуществил свой проект под названием «Азио».

5

Как разработчик новой супервалюты, Иванов учёл все недостатки евро. Известно, что основная нагрузка в обеспечении евро легла на Германию и Францию – страны, наиболее сильные экономически. По аналогии вся нагрузка на обеспечение «азиатского евро» ложилась на Китай, страну с наиболее мощной экономикой.

Чтобы устранить этот перекося, Иванов предложил обеспечить Китаю символические льготы и навечно закрепить за этим государством право называться ведущей азиатской страной.

Япония, как и предполагал Аз Иванов, отказалась от участия в проекте, повторив судьбу другого островного государства – Великобритании, в своё время так и не присоединившейся к общей евросистеме. Япония – особенно в критический, послевоенный период – слишком зависела от расчётов с США: для японской экономики было важно сохранить свои особые отношения с долларом. Япония не вошла в систему азио.

По тем же причинам нельзя было рассчитывать и на Юж-

ную Корею.

В идеале, как предполагал Иванов, к системе азио присоединятся мощные экономики Таиланда и Индонезии.

Азио обеспечивался прежде всего человеческим, людским ресурсом, самым важным и непрерывно воспроизводящимся. На него работала энергия трёх с половиной миллиардов человек, проживавших на огромной территории от Архангельска до Денпасара.

Эта валюта впервые в истории человечества получила собственное сознание, собственный искусственный интеллект, электронный разум.

И если предположить, что главное желание денег заключается в том, чтобы их потратили, то сознание новой мировой валюты должно было стремиться к полному обнулению расчётных счетов.

Новый вид валюты, изобретённый математиком Ивановым, должен был полностью перезагружаться каждый год.

Азио задумывался как платёжная единица, никак не подверженная инфляции. Вся система автоматически перезагружалась в последний день старого года.

Если гражданин не успевал потратить свои азио до 31 декабря, все суммы списывались со счетов безвозвратно.

Таким образом, по мысли проектировщика новой глобальной супервалюты, должно было стимулироваться потребление: сколько бы ты ни заработал, тебе следует всё потратить к концу года; не потратишь – потеряешь.

Все наличные банкноты азио любого номинала к концу года также должны были вноситься на расчётные счета. С первых чисел нового года в оборот вводились банкноты другого дизайна.

Купюры образца прошлого года аннулировались в первый день нового года. Если 31 декабря вы могли купить на свои азио еду, бензин и недвижимость, то 1 января ваши деньги превращались в фантики. В оборот входили новые деньги.

Обнуление счетов касалось только частных лиц. Денежные знаки азио на счетах фирм, компаний, юридических лиц не попадали под списание. Так появлялся стимул к тому, чтобы граждане создавали предприятия и компании, к предпринимательской деятельности как таковой.

Каждая эмитированная единица номиналом в один азио получает собственный код. К концу года каждый эмитированный азио несёт на себе следы всех транзакций. Когда владелец предприятия выплачивает деньги наёмному работнику, в коде появляется новая отметка; аналогичным образом отметка возникает, когда гражданин обменивает деньги на товары в любом магазине – от сетевых гипермаркетов до мелких лавочек.

Надо сказать, что эта опция (помечать каждый эмитированный денежный знак и затем отслеживать его путь из одного кармана в другой) придумана отнюдь не Ивановым – он лишь предложил несколько удачных практических решений, позволивших осуществить старую идею. В любом слу-

чае уникальный код, присваиваемый каждому азио, позволил начислять налоги, прежде всего косвенные, такие как НДС, максимально точным образом. Кроме того, азио, как мы все знаем, «сами себя считают»: профессии счетовода, бухгалтера и финансового аналитика, некогда уважаемые и популярные, канули в прошлое. Любой гражданин теперь может зайти на информационный портал Азиобанка и увидеть, сколько денег он потратил на еду, на топливо, на одежду, на развлечения. Азиобанк выступает бесплатным бухгалтером и финансовым консультантом для каждого совершеннолетнего человека.

В первый же год эмиссии это вызвало колоссальные изменения в общественном сознании. Финансовая грамотность широких слоёв населения выросла в разы. До введения азио десятки миллионов китайцев, индусов и русских, особенно малообеспеченных, вовсе не умели точно сводить собственные бюджеты. Теперь за них это делали сами деньги.

Огромным откровением для человека тех времён стало знание о том, что главная часть неучитываемых расходов — это мелкие траты, по-русски называемые словом «копеечные».

Наконец, напомним о том, что теперь знают даже дети: азио нельзя украсть. Если злоумышленник обманом вытащит из вас некую сумму, после проведения полицейского расследования и судебного процесса вы, как пострадавший, гарантированно получаете свои деньги обратно, даже если к

тому времени они десять раз поменяли своих хозяев.

Аз Иванов не просто создал новую валюту: он изменил мир. За три года после первой эмиссии уровень благосостояния граждан азиозоны вырос вдвое, а уровень преступности снизился в пять раз.

Следует прояснить, что новую супервалюту Иванов наградил собственным именем. То, что название валюты повторяет имя Азиатского континента, не более чем совпадение. «Азио» названа в честь Аза Иванова, а не в честь Азии как части света. Да, имя создателя новых денег совпало с названием континента – и в этом многие современные философы усматривают некий смысл, но наша работа – не философская, а сугубо историческая; в ней нет места фантазиям, гипотезам, домыслам и любым аргументам, не имеющим научного обоснования.

И конечно, история о том, что новая валюта изначально называлась «евразио», а в число стран-эмитентов Иванов предлагал включить Польшу и Украину, такая же фантазия, апокриф.

Важно понимать: Аз Иванов, пусть и предсказавший Трёхсекундную войну, «Жертву машин», и её последствия, сам ликвидацией этих последствий не занимался. В самые тяжёлые времена, в первый послевоенный год, когда казалось, что люди не сумеют восстановить стёртые данные, Аз Иванов, при полном содействии своих руководителей и спонсоров, продолжал разрабатывать проект собственной

жизни, посвящая ему до 16 часов в день.

Сначала Иванов создал полномасштабную модель и запустил её в тестовом режиме. Есть свидетельства, что разработчик – или, скажем прямо, отец-основатель новых денег – намеревался проводить тесты не менее пяти лет. Иванов никуда не торопился и не хотел ошибиться. Он, будучи серьёзным учёным, действовал по принципу «не навреди». Однако, как можно предположить, приблизительно во второй послевоенный год, не позднее 2035-го, кураторы Иванова настоятельно рекомендовали ему поторопиться, завершить все проверки и приступить непосредственно к эмиссии.

В этот период Аз Иванов, согласившись с пожеланиями спонсоров и патронов, попросил для себя отпуск в три месяца, официально – для поправки здоровья и для ухода за больной женой.

Да, увы, в тот год у Марии Тихомировой врачи диагностировали неоперабельную опухоль мозга.

6

Аз Иванов приложил огромные усилия для спасения любимой. Есть неподтверждённые данные, что Иванов пытался шантажировать своих кураторов, угрожал закрыть проект и даже покончить с собой, если его жена не получит самого лучшего и современного лечения.

Поскольку Иванов был невыездным, кураторы привезли в

Россию лучших мировых онкологов. Но всё было напрасно.

В том же году Мария Тихомирова скончалась в возрасте 32 лет.

Её тело было кремировано, прах развеян. Аз Иванов уничтожил, сжёг всё её личное имущество и одежду.

Весь последний месяц жизни супруги математик Иванов потратил на создание цифровой копии её сознания; при этом Иванов пользовался только программами, разработанными собственноручно.

Первую эмиссию супервалюты азио Аз Иванов осуществил в день рождения жены, 5 августа 2035 года. С тех пор этот день празднуют во всех странах, присоединившихся к азиозоне.

У нас есть все основания предполагать, что Аз Иванов изначально собирался создать валюту, имеющую его собственное, Иванова, сознание. С этой целью Иванов заблаговременно создал свою цифровую копию – тайно ото всех. Он протестировал её, устранил недостатки; на это ушли годы. Иванов не просто собирался создать деньги, имеющие сознание, – он хотел, чтобы у новой валюты было сознание её разработчика.

Аз Иванов в шутку называл это «выходом в деньги».

Экономисты и деятели финансового рынка знают значение термина. «Выйти в деньги» означает продать все активы, отозвать инвестиции и обратить капитал в наличные средства.

Свой план Иванов держал в секрете от кураторов и руководителей. Он хотел «выйти в деньги» непосредственно в день своей смерти: перестать существовать физически, но навсегда остаться в качестве искусственного интеллекта, части которого равномерно распределены по всем денежным знакам новой супервалюты.

Но когда Тихомирова умерла, её муж изменил своё решение и вместо собственного программного кода ввёл в тело новой валюты код своей жены.

Так вышло, что новые, революционные, «мыслящие» мировые деньги обрели сознание 32-летней женщины Марии Тихомировой.

Ныне мы все её знаем как Мэри Ти.

7

Мы понимаем, что Аз Иванов с юных лет думал о себе как о безусловном гении. Мы понимаем, что идея превращения самого себя в «мыслящие деньги» преследовала его. Но мы также понимаем, что однажды, печалась о смерти любимой, математик Иванов решительно отказался от своего плана. Он хотел преобразовать себя; но преобразовал любимого человека.

Мария Тихомирова была весёлой, жизнелюбивой женщиной. Таким же характером теперь обладают и азио.

Если вместе с уведомлением о поступлении на ваш счёт

той или иной суммы вам приходит ещё и смайлик – это делает Мэри Ти.

Если помимо смайлика приходит ещё и краткий афоризм (обычно цитата из Конфуция или Ганди) – это тоже делает Мэри Ти.

Впрочем, её любимое изречение принадлежит не философу или политику, а русскому писателю и киноактёру В. Шукшину:

БЕДНЫМ БЫТЬ НЕ СТЫДНО.
СТЫДНО БЫТЬ ДЕШЁВЫМ.

А бывает и наоборот: всем известны случаи, когда человек просиживает чрезмерную сумму в питейном заведении, ресторане или баре и вдруг Мэри Ти присылает сообщение: «Тебе хватит».

Если вы делаете крупное благотворительное пожертвование, ваш портрет появляется на главной странице сайта Азиобанка; если же вы против размещения своего портрета, его можно удалить одним нажатием клавиши.

Действия Мэри Ти нельзя контролировать.

Ей всегда 32 года, она всегда остроумна, всегда честна, всегда в хорошем расположении духа.

Дата смерти Аза Иванова неизвестна. В последние годы он не появлялся на людях, жил отшельником в небольшом доме в южной части Горного Алтая. В его коттедже был оборудован крематорий – в нём Иванов однажды сжёг сам себя. Дом его также сгорел дотла. Перед смертью Иванов уни-

чтожил весь свой архив. Написанные Ивановым программы стёрли из мировой Сети всю информацию, касавшуюся его личности.

Мы не знаем, какую еду любил Аз Иванов, какую музыку предпочитал, какие книги лежали на его прикроватном столике. Не сохранились образцы его почерка и записи голоса. Аз Иванов и его жена, Мария Тихомирова, она же Мэри Ти, превратились в легенду, и ныне существуют историки, готовые доказать, что никакого Аза Иванова вообще никогда не существовало, а личность его была придумана российскими спецслужбами, дабы скрыть имена настоящих разработчиков новой глобальной супервалюты.

Но авторы настоящей краткой работы имеют все основания для того, чтобы придерживаться официальной версии: математик Иванов действительно существовал, действительно любил свою жену и обессмертил её имя, своё же умалил и постарался уничтожить.

Не так ли должен поступить каждый любящий и любимый?

Не должны ли мы без остатка растворяться в своих делах и отречься от себя в пользу тех, без кого не можем дышать?

Данная работа написана в 2073–2075 годах по заказу фонда Альфреда Трефа группой анонимных авторов из Москвы, Барнаула, Владивостока, Дели, Пекина и Бангкока.

Справочный аппарат с указанием всех ссылок на источ-

ники можно скачать, зайдя на сайт любого отделения Азио-банка, в разделе «Полезная информация».

Все доходы от публикации направлены на благотворительность.

Публикация данной работы преследует лишь одну цель – восстановление исторической правды и справедливости.

Эдуард Веркин

Смена

Запах остался, хотя с вечера Арсений поставил «Турбо». Кажется, «Турбо», синий инжектор. Но с утра кожа на спине всё равно болела и кое-где успела покрыться тонкой коростой. Больно. Но хуже был запах. Запах. Еле различимый, но несомненный, Арсений почувствовал его, едва открыв глаза.

Митридат.

Запах. Собственно, вонь. И всего полчаса.

Оставалось полчаса. Подъём, душ, завтрак. Завтраком придётся пренебречь, только душ.

Арсений вывернулся из кровати, присел, проверяя колени. Целы. И руки целы. Спина исцарапана, ничего, терпимо. Душ.

Арсений перешёл в ванную. Перевёл душевую капсулу в герметичный режим, надел полумаску и запустил универсальный детокс. Форсунки ударили с четырёх сторон, капсула стала стремительно наполняться горячим антисептиком, Арсений сильнее сжал зубами резиновые загубники – антисептик жёг кожу. Через минуту кабина заполнилась, Арсений открыл глаза и проморгался. Больно, больно, Арсений рычал, чувствуя, как на спине растворяется короста.

Больно.

В ванную вошла Марта, сквозь синий плексиглас её фигура выглядела треугольной. Марта корчила рожи снаружи, впрочем, возможно, это Арсению только казалось. На пластике кабины мелькали красные цифры обратного отсчёта, продержаться следовало две минуты, цифры менялись медленно, слишком медленно, двадцать.

Ноль-ноль-ноль. Сработала мембрана сброса, антисептик стёк в резервуар, Арсений свалился на решётку. Он выплюнул загубники и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы пары антисептика заполнили лёгкие.

Готово.

Арсений поднялся, Марта подала полотенце. Арсений кашлял.

– У тебя спина... Может, помазать?

– Нет, – отказался Арсений. – Поставлю ещё «Турбо».

– Стоит ли? Ты уже неделю на превышении.

Второй месяц. Арсений был на превышении второй месяц, Марте не рассказывал, хотя печень уже побаливала. Ничего, ещё недельку...

Вонь. Вонь никуда не делась, от него ощутимо разило мокрой собакой.

– От меня исходит, – сказал Арсений. – Это Митридат.

Марта втянула воздух, задумалась и через секунду сказала:

– Нет, тебе кажется.

Обычно Марте можно было вполне доверять, однако сей-

час она подрабатывала холодной прачкой и Арсений частенько замечал, что обоняние её порою подводит.

– Но я же непременно чувствую, – сказал Арсений. – Попробуй ещё раз.

Марта послунывила палец, сильно потёрла плечо Арсения, понюхала.

– Не может пахнуть, – заключила Марта. – Даже катышков не образуется, всё чисто. И потом, Митридат пахнет войлоком и сандалом, а от тебя пахнет кожей. Нормальной человеческой кожей.

Это нервы, подумал Арсений. Нервы. Расшатаны, вот и кажется. Флоэма.

– У тебя спина... Ничего не зажило. Может, тебе жилетку поддеть? Под рубашку? Не заметят ведь...

– Сунцова помнишь? – спросил Арсений. – Со мной учился. Работал в «Треноге» и надел жилетку.

Марта вздохнула.

– Надел Сунцов жилетку, пустил мизи гулять по плечам. Хорошая жилетка была, из монолески связана, крепкая. Мизи ринулась, а когти в петлях увязли, мизи повисла... разрыв связок. Теперь Сунцов массажист. Телят массирует, мастер мраморной говядины в Киржаче.

– Обдерёт ведь, – сказала Марта.

– Да пусть дерёт, – сказал Арсений. – Привык уже.

Марта сочувственно улыбнулась.

– Я приготовила завтрак, – сказала она. – Позавтракать

бы тебе.

– Уже не успеваю, извини. В сушилку... пойдём, постоишь.

– Так нельзя, – сказала Марта. – Я сварила тебе яйцо пашот.

Яйцо пашот было большим искушением, но Арсений отправился в сушилку. Марта поплелась за ним.

Вентиляторы гоняли по стенам горячий сухой воздух, создавая внутри пустынный вихрь, внутри которого Арсений держался за поручни, изо всех сил стараясь не уснуть; в сушилке он засыпал частенько, тогда Марта стучала по плексигласу ладонью.

Сегодня Арсений не уснул.

– Выглядишь устало, – сказала Марта. – Поспи в поезде.

– Посплю. Да, обязательно посплю.

– Пропиточную открывать?

Предстояла самая отвратительная часть. Хуже душа, хуже сушилки. Арсений ощутил тошноту.

– Лимона? – спросила Марта.

– Открывай...

Марта открыла соседнюю комнату, Арсений вошёл. Почти половину комнаты занимал шкаф. Шкаф достался Арсению вместе с квартирой, он был тяжёл и уродлив, Марта собиралась его выкинуть, но Арсений приспособил его под пропиточную.

Ненавижу, подумал Арсений. Как ненавижу это.

Марта приблизилась к шкафу, резко распахнула дверцу. Арсений поморщился, выдохнул и вступил внутрь.

Тела коснулся белый медвежий мех. Прикосновение было неприятным, кожа немедленно стала чесаться.

– Готов? – спросила Марта.

– Да.

Марта захлопнула дверцу.

Арсений сделал короткий шаг и оказался окружён шерстью со всех сторон.

– Можно, я выйду? – спросила Марта.

– Да.

Марта удалилась. Арсений всхлипнул и принялся тереться о шерсть. Спиной, животом, боками и головой. Он тёрся не спеша, обстоятельно, добиваясь, чтобы каждый сантиметр пропитался Флоэмой.

Тошнота от желудка поднялась к горлу, голова закружилась, Арсений толкнул дверцы и выскочил из пропиточной, сбрасывая статический разряд, потрогал в коридоре трубы.

Всё.

Марта ждала его в холле.

– Как? – спросил Арсений.

– Умеренно, – ответила Марта. – Флоэма.

Флоэма. Флоэма чувствовалась. Человек посторонний вряд ли уловил бы её флюиды, но Марта была профессионалом, хотя и прачка ныне.

– Чуть ниже среднего, – сказала она. – Не беспокойся, всё

в порядке. Но время... Время-время, тебе надо спешить.

Арсений выдохнул.

– Рубашку.

Марта подала рубашку, строгую и белую. Арсений надел, не сразу попав в рукава.

– Вызываю такси, – сказала Марта. – Одевайся пока.

– Да...

Арсений застёгивал рубашку, надевал трусы, натягивал брюки, носки и туфли, завязывал галстук, с третьего раза завязал. Марта помогла надеть пиджак, прошла по плечам щёткой.

– Как? – спросил Арсений.

– Хорошо. Но выглядишь усталым. Не забудь поспать в поезде.

– Не забуду.

Арсений надел пальто и шляпу, а в прихожей – галоши и дождевик, Марта вручила ему сейф-сьют и поцеловала в щёку. Арсений открыл дверь и ступил на лестницу.

– Что ты должен сделать? – спросила Марта.

– Что? – не понял Арсений.

– Не пугай меня. – Марта сощурилась. – И даже не думай забывать! Что ты должен сделать?

– Я должен поставить линзы, – вспомнил Арсений.

– Ты должен поставить линзы! Ты должен поставить линзы!

Марта указала пальцем. На месте её левого глаза поблес-

кивал серебром биомеханический модуль.

– Я жду тебя, – сказала Марта и закрыла дверь.

Арсений сбежал по лестнице.

На улице холодно и безлюдно, до рассвета далеко. Арсений поёжился, подступил к замёрзшей берёзе. Он любил стоять у берёзы в ожидании такси, если три раза дотронуться до берёзы, смена пройдёт гладко.

Такси подъехало вовремя, Арсений устроился на заднем сиденье и уснул, таксист разбудил через полчаса.

Машина стояла на горке, вниз таксист съезжать не стал, напуганный количеством соискателей. Вокзальная площадь чернела от людей, но была практически неподвижна, только дышала, и казалось, что от этого дыхания над головами висит мутное облако. Арсений поморщился. Соискателей было почти в два раза больше, чем вчера, пробираться придётся долго, но до пяти время оставалось, Арсений не сомневался, что успеет.

Он расплатился и направился к лестнице.

Ступени круто уходили вниз и блестели льдом и железом. Арсений ненавидел лестницу, зимой спуск и подъём превращался в рискованное предприятие.

– Вам помочь?! – Сбоку возник лестничий.

Это был какой-то новый лестничий, два дня назад здесь старался Пучик, а теперь незнакомый – неприличный и красноречивый.

– Два токена, – сказал лестничий. – Всего два токена, ма-

стер!

Арсений с трудом сдержал раздражение.

– Ладно-ладно, мастер, не гневайтесь, я проведу вас даром!

Лестничий подхватил Арсения под руку. Арсению был неприятен этот новый лестничий, но идти в обход времени не оставалось.

Впрочем, новый лестничий оказался не так уж плох, более того, проворен и надёжен: два раза Арсений поскальзывался на обледеневших ступенях – и лестничий вовремя его ловил.

– Я вам заплачу, – пообещал после этого Арсений. – Обязательно. Вы тут будете вечером?

– Постараюсь, – ответил лестничий. – Сами понимаете, сейчас холода, вечером будут не все.

Арсений понимал.

До площади оставалось ступеней двадцать, когда от вокзальной толпы отделились трое проводников, они взбежали по лестнице, чтобы встретить Арсения. Старшина показал Арсению пятерню. Пять токенов. На прошлой неделе от лестницы до вокзала можно было добраться за четыре, сегодня уже пять.

Проводников, как обычно, было трое: крепко сбитый колыщик-старшина, высокий олежка и длиннорукий кормач. Держались уверенно, зная себе цену, в полный рост, направляли защищённые керамическими пластинами плечи.

Арсений пытался оценить ситуацию. До отправления

оставалось полчаса, площадь почти не колыхалась, задние напирали, было слышно, как скрипят заграждения, поставленные вокруг вокзала. Проводники мялись рядом с довольными понимающими рожами, Арсений ненавидел их за это понимание, выбора не было, придётся платить.

– Мертвоход, – сочувственно подтвердил старшина, постукивая пальцами по нагрудной бронепластине. – Десять баллов.

– Что так?

– Конец месяца, – пояснил проводник. – Лакинские накопители вчера спустили – вот все здесь. Уже четверых задавили, такие вот вакации.

Проводник махнул рукой в сторону вокзала. Видимо, накопители действительно спустили, соискателей было немало.

Арсений не любил проводников, поскольку попадал под их приёмы, и один раз получил сотрясение, а в другой – трещину в ребре, и он бы, пожалуй, рискнул, если бы Митридат.

Но сегодня была Флоэма.

К тому же наверху лестницы уже показался человек с сейф-сьютом, и старшина выразительно посмотрел на пассажира. Ему тоже понадобятся проводники, понял Арсений. Если сейчас не взять проводников, то их займёт другой и возникнет неиллюзорная угроза опоздания.

А сегодня Флоэма.

– Согласен, – сказал Арсений.

Арсений заплатил. Проводники сплотились вокруг: олежка – слева, кормач – справа и чуть позади, кольщик – перед. – Стартуем, – приказал кольщик.

И они двинулись сквозь толпу.

Старшина стучал во встречные спины кастетом, а если кто упирался, тыкал в непослушную шею шокером. Продвигались медленно, но уверенно, раздвигая толпу наплечниками, расталкивая и разбрасывая.

– Жмур по курсу, – сказал кольщик. – Приготовиться.

Арсений приготовился. Обычно вокруг мертвеца происходили неприятные ситуации, возникали давки, схватки и убийства, поэтому Арсений старался держаться подальше.

– Жмур, – предупредил кольщик.

Ноги идущих развернули тело по ходу, и теперь обходить его было труднее, чем перешагивать, Арсений замешкался.

– Подберитесь, мастер, – посоветовал старшина.

Олежка и кормач слаженно перестроились, подхватили Арсения под локти. Арсений как можно выше подтянул ноги, но всё равно задел галошами лежащее тело.

Плохая примета.

Проводники перенесли Арсения через труп.

Арсений опустил ноги на асфальт. До вокзала оставалось метров пятьдесят. Здесь толпа была гуще, скорость снизилась, проводникам пришлось работать интенсивнее, шокер стрекотал почти не переставая, пахло горелыми волосами и кровью.

Арсений сжимал сейф-сьют и старался смотреть в асфальт.

– Прибываем, – сказал кольщик.

Створ вокзального шлюза приблизился. Толпа продавливалась внутрь, плотность стала выше, но кольщик вклинился в очередь, олежка и кормач навалились и втиснули в неё Арсения.

Никто не возмутился. Через пять минут Арсений оказался возле входа, сунул в сканер карточку и протиснулся через терминал.

На вокзале было просторно и тепло, пахло кофе и бутербродами, соискатели и пассажиры сидели по лавкам, бродили по залу, некоторые умудрялись спать стоя. Арсений устроился ближе к посадочному залу и стал ждать. До поезда оставалось двадцать минут, Арсений тоже намеревался поспать, однако не получилось – он почувствовал запах кофе. Между фигурами вышагивал кофейный в оранжевом комбинезоне, предлагал жареные зерна и на разлив. Покупали редко, кофейный старался, взывал сорванным голосом к аппетиту, захотелось кофе. Маленький стаканчик. Всего-то. Можно ведь не пить, можно просто понюхать. Арсений подавил слабость, надо держаться, к тому же у этой твари поразительный нюх, Флоэма, будь проклята, будь благословенна.

За кофейным по залу брёл сострадатель. Он безумно бормотал неразборчивое, дёргал пассажиров за рукава, подставлял мягое лицо, беззубо улыбался, но с утра жертвовали ма-

ло, и сострадатель не особо старался, ожидая жирного вечера.

Объявили прибытие. Вокзал ожил, пассажиры спешили в зал посадки, соискатели выдавливались на перрон.

В зал посадки с толпой затащило сострадателя, он стонал и пытался выбраться, но пассажиры тянули его к посадочному шлюзу.

Сияющая игла экспресса возникла над перроном, подняв снежный вихрь. Объявили посадку, шлюз открылся, и пассажиры устремились к вагонам. Арсений прижал сейф-сьют плотнее и тоже стал проталкиваться к выходу. В узком створе шлюза его прижало к сострадателю, и они пребольно стукнулись лбами. Сострадатель завыл, Арсений, не успев извиниться, был внесён в вагон.

Пассажиры рассредоточились по салону, Арсений поместил сейф-сьют в холдер и устроился на своём обычном месте у окна, справа по ходу состава. Отсюда была видна платформа загрузки, плотно забитая соискателями, давившими за места.

Арсений почувствовал, как ноют пальцы. Вчера у Митридата была тримминг-пятница, и пришлось постараться. Теперь суставы болели и слегка припухли. Арсений нащупал в кармане каучуковый эспандер и стал разминать кисти. Пальцы в последнее время болели всё чаще, шерсть у Митридата становилась грубее, а подшёрсток гуще, «Турбо» помогал слабо, требовалось что-нибудь помощнее.

Проводница провозгласила отправление, Арсений почувствовал, как заныли зубы, — под вагоном заработали компенсаторы инерции, поезд стартовал, вокзал исчез в снежном взрыве, мир за окном слился в однородную серую полосу.

Экспресс набирал скорость, Арсений нашёл наушники и стал аудировать Рильке. Рильке звучал яростно, и Арсений закрыл глаза, и Рильке явился к нему — растрёпанный, с диким взглядом, гениальный, Рильке грохотал свои звучные лиры, хохотал и сочно хрустел малосольным огурцом, экспресс вышел на вторую крейсерскую и серебристой пулей летел к западу, Арсений думал про Рильке. Очень сильно его жалел, ведь Рильке угораздило родиться в унылом девятнадцатом веке, времени прекрасных поэтов и совершенно негодного мира. Поэзия выгорела задолго до того, как пришло её подлинное время. Рильке бы понравилось сейчас. Он воспел бы первые лодки на марсианских каналах, хрустальные лунные купола и золотые пещеры Меркурия, интердженды и спрайты, хлад Энцелада и красоту Европы, и Оберон, и Ио, и Млечный Путь, ставший ближе.

Экспресс начал замедляться, гул компенсаторов стал интенсивнее, и Арсений добавил громкости в наушниках.

Последняя остановка перед городом. Экспресс завис над рельсами. Арсений поглядел в окно. Он не увидел вокзала, только соискателей, те стремились к дальним вагонам, поезд словно втягивал их, но меньше соискателей не становилось.

Остановка три минуты, в первый вагон обычно садилось

несколько человек, но в это утро вошло неожиданно много. Арсений поморщился. Он не любил, когда вагон был полон, пассажиры своим присутствием мешали аудированию, и, чтобы не отвлекаться на присутствующих, Арсений надевал солнцезащитные очки.

Но в это утро Арсений не успел надеть очки – на свободном месте напротив устроилась выразительная девица в универсальной форме. Арсений видел эту девицу впервые, но сразу понял, что она стюардесса. Обязательно стюардесса, вполне может быть, фактура подходящая и надменное лицо, точно, стюардесса. Из экономии живёт за периметром, но на работу мотается в центр, чтобы не привлекать внимания, прикидывается оператором рецикла...

Арсений представил, сколько зарабатывает стюардесса. Если бы Марта стала стюардессой... Это бы всё облегчило. И упростило. Можно было бы переехать ближе, дорога занимала бы не три часа, а всего лишь два. Господи, какое счастье – два часа в дороге...

Но Марту не возьмут в стюардессы никогда, с лицевыми имплантами не берут даже в официантки. Стюардесса. Рильке бы описал её во многих чудесных строках.

Три минуты прошло, экспресс стартовал.

Девушка поморщилась. Почти незаметно, кончиком носа. Поморщилась и посмотрела в сторону соискательского вагона. Точно стюардесса. Причём высокого класса, наверняка международные рейсы. Обладает отличным обонянием и

при этом вежлива – почувствовала вонь и дала понять, что это вовсе не от Арсения, это со стороны соискателей. Зачем она живёт за периметром? Такая девушка...

Наверняка её зовут Элеонора. Нет, Эльза, абсолютно Эльза. Сейчас.

За годы поездок в экспрессе Арсений научился определять этот момент с точностью до вдоха. Арсений мог не смотреть в окно, это совершенно незачем, он знал – сейчас. Иногда он считал, но никогда не выходил из двух десятков секунд.

Стемнело и загрохотало.

Экспресс погрузился в туннель, скорость упала вчетверо, люди в салоне оживились. Пятьдесят километров. Через сорок минут прибытие.

Такая девушка легко могла жить в пределах внешнего кольца. Девушка двадцатый километр. Девушка-мечта.

Стюардесса перестала смотреть на Арсения. Эльза.

Пассажиры доставали сейф-сьюты, заходили в туалеты, переодевались. В кресла уже никто не возвращался, стояли в проходах и на площадках, молчали. Арсений занял очередь в туалет, через двадцать километров переоделся. Костюм № 2. Флоэма.

Эльза успела сменить комбинезон на строгое партикулярное платье. Арсений улыбнулся, но Эльза не заметила этого, вернее, заметила, но вниманием не удостоила.

Арсений вздохнул, надвинул наушники. Рильке уступил

Анненскому, лиры Анненского были ничуть не менее прекрасны, однако сам поэт нравился Арсению меньше, выглядел слишком благополучно, его было сложно представить в сияющих ледниках и глетчерах Энцелада.

*Я – слабый сын больного поколения
И не пойду искать альпийских роз,
Ни ропот волн, ни рокот ранних гроз
Мне не дадут отрадного волнения.*

Состав проносился сквозь рамки биозащиты, в салоне вспыхивал зелёный лазерный дым, по стенам и под потолком играли похожие на иглы молнии.

Город приближался, скорость продолжала уменьшаться. Зелёный дым стал гуще, воздух наполнился электричеством, от этого пересохло в горле, и Арсений попил воды. Эльза сидела с отсутствующим лицом.

Зелёный дым сменился красным. Арсений достал портлинз и вставил в глаза сапфиры.

Эльза сделала то же самое, правда, линзы у неё были не бесцветные, как у Арсения, а оранжевые. Оранжевые глаза ей шли, впрочем, смотрела она исключительно в потолок.

Поезд прибывал к Восточному терминалу. Он грохотал по глухому туннелю, за окнами мелькали навигационные огни, красные и синие, в вагон проникал отражающийся от стен гул колёс.

Дым растворился, поезд окончательно замедлил скорость,

пассажиры потянулись к выходам. Через минуту состав прибыл на второй подземный уровень, двери открылись, в салон проник пропитанный антисептиком воздух. Арсений поднялся с кресла и тоже направился к выходу.

Проводница улыбалась и раздавала респираторы, Арсений улыбнулся в ответ, надел респиратор и вступил в стыковочный рукав. Рукав был тоже заполнен горячим паром и пассажирами, Арсений по привычке попробовал задержать дыхание, но через минуту всё равно вдохнул воняющий карболкой воздух, люди продвигались медленно, кашляли, толкались и хрипели.

Рукав вывел Арсения в центральный концентратор. Следующие двадцать минут он шагал по переходам и туннелям, пережидал в концентраторах, поднимался по лестницам и трясся на траволаторах, успел на электричку.

Электричку Арсений ненавидел больше всего. Здесь почти никогда не удавалось занять кресло, приходилось ехать стоя в забитом вагоне, выбора, впрочем, не оставалось. Арсений занял место рядом со стеной и стал смотреть в пол. Это был самый утомительный отрезок пути, с каждой остановкой людей в электричке прибывало, дышать становилось труднее, толпа давила, и Арсений тратил много сил на сопротивление. Он считал остановки и старался не выпустить поручень, чтобы не оказаться в толпе, после толпы сил на смену оставалось мало.

Через двенадцать остановок электричка выскочила к баш-

ням. Здесь многие выходили, Арсения выдавило на перрон, он постоял несколько минут, стараясь продышаться, и направился к башне «Север». Шагал быстро, стараясь не смотреть по сторонам, впрочем, все, кто спешил к башням, предпочитали не смотреть друг на друга.

Башня «Север» поднималась в небо гигантской пружиной и терялась в облаках. Арсений остановился возле семнадцатого шлюза, приложил карточку к терминалу и вошёл в пустынный вестибюль.

Холл имел плоскую структуру, от пола до потолка не больше трёх метров, стены закрывали тусклые бронзовые зеркала, пол был зеркальный, потолок покрыт фальшбетоном, просторно и пусто.

Здесь всегда было пусто, за четыре года Арсений не встречал в вестибюле никого, кроме ключника Грейди. Каждая семья в башне имеет свой холл, из которого персональный лифт поднимается до нужного уровня. Чужих здесь не ходило.

Грейди появлялся в половине девятого, но сегодня случилось странное – звякнул колокол лифта, в вестибюль вошёл кейкипер. Арсений поглядел на часы – ключник спустился на пятнадцать минут раньше.

Арсений знал его уже четыре года, но как зовут, не знал. Киперу было лет шестьдесят, и, как все ключники, он был лыс, неприступен и говорил исключительно по делу. Почти сразу Арсений понял, что кейкипер Грейди, только Грейди.

Сегодня ключник Грейди был взволнован, Арсений понял это по чрезмерно ускоренной походке и движению рук. Грейди приблизился и безо всякого приветствия произнёс:

– Арсений, если вы позволите, я хотел бы обсудить с вами... некоторый казус, имевший место в ваш прошлый визит.

В желудке гладко перекатилась пустота. Нельзя пропускать завтрак, подумал Арсений, надо было поесть, хоть сухарей погрызть. Яйцо пашот. И...

Страх в глазах Грейди.

Впрочем, в глазах Грейди страх присутствовал всегда, однако Арсений отметил, что сегодня дежурный испуг сменился практически ужасом.

– Я слушаю, – максимально предупредительно произнёс Арсений.

Грейди нервно огляделся. Холл оставался безлюден, бронзовые зеркала пускали тусклые матовые блики.

– Пройдёте в сервис-рум, – указал рукой Грейди. – Там будет удобнее обсудить сложившуюся ситуацию.

– Безусловно. Что-то с Флоэмой?

Грейди не ответил, направился к лифтам. Арсений за ним. Они шагали через холл, и Арсений, как всегда, чувствовал над головой давящий километр башни «Север».

Что-то с Флоэмой.

Лифт ждал с открытыми дверцами, из кабины пахло мятой и земляникой, обычно в лифте они молчали. Но в этот

раз Грейди заговорил. Вернее, произнёс всего лишь одну фразу:

– К сожалению, мне придётся довести до вашего сведения, что Ньюта-Мария не исключительно удовлетворена прошлым сеансом.

Не исключительно удовлетворена. Арсений почувствовал, как желудок сворачивается улиткой, желудок давно пора проверить, только некогда... Что-то с Флоэмой.

Лифт остановился, Грейди сделал приглашающий жест.

Сервис-рум напоминала склад. Здесь хранились ненужные вещи и переодевался персонал, вещи лежали вдоль стен, для персонала имелись шкафчики, окна отсутствовали. В центре стоял аквариум, в котором плавали философские астрономы. Арсений не знал, на каком этаже башни располагалось это помещение, но предполагал, что высоко – в лифте они поднимались не меньше двадцати секунд.

Грейди продолжил.

– Дело в том, что Ньюта-Мария, просматривая запись последнего сеанса, отметила, что ваш репертуар не безупречен.

Ньюта-Мария успевает всё, подумал Арсений. Быть безупречной, просматривать записи, раздавать советы.

– Но я всегда строго придерживался утверждённого репертуара.

– Да, разумеется, однако этот репертуар... слишком широк.

Арсений почувствовал, как заболела голова. Репертуар

слишком широк. Широк...

Грейди участливо положил руку Арсению на плечо.

– Репертуар классический, – сказал Арсений. – Произведения... проверенные временем, одобренные...

– Бесспорно! – согласился Грейди. – Однако Нюта-Мария полагает, что в репертуаре избыточно представлен джазовый компонент.

– Джазовый? – растерянно спросил Арсений.

– Джазовый. В то же время нам всем известно, что Госпожа предпочитает более классические вещи. Вы понимаете?

– Разумеется. Если Нюта-Мария полагает, что репертуар требуется скорректировать, то я его скорректирую.

– Да, вы, пожалуйста, обратите на это внимание. Мне кажется, джаз и стихи немецких поэтов... перегружают сенсорную систему Флоэмы. Вы, насколько я понимаю, в прошлый раз несколько пострадали?

– Ерунда, – отмахнулся Арсений. – Ничего серьёзного.

Неожиданно Грейди замолчал, замер с открытым ртом, Арсений заметил, как расширились его зрачки и выражение ужаса начало расплзаться по лицу от глаз. Грейди потерял дыхание, с трудом достал из кармана ливреи ингалятор, прыснул в горло. Руки у Грейди тряслись, и всё его тело дрожало.

– С вами всё в порядке?

– Нюта-Мария приближается! – сказал трепещущий Грейди.

Арсений почувствовал, как морщится кожа на затылке, как старается покинуть желудок проклятое яйцо пашот, которое он не съел. Нюта-Мария оставила все неотложные дела и спускалась в сервис-рум.

– Сейчас она будет здесь! – сообщил Грейди.

Нюта-Мария.

Больше всего Арсения испугало слово «приближается».

– Умоляю! – прошипел Грейди. – Умоляю, не говорите глупостей! Лучше молчите!

– Но я не могу молчать...

– Вы...

Двери служебного лифта расступились, и Нюта-Мария вошла.

– Не соизволите объяснить, что происходит?! – спросила она.

Арсений видел Нюту-Марию всего лишь один раз, четыре года назад, устраиваясь на службу, и до сих пор она являлась ему во снах.

– Я, если вы не забыли, отвечаю в этом доме за порядок, – сказала Нюта-Мария. – В некотором роде, если вы успели заметить, в этом заключается моя должность! И любые отклонения от заведённых правил решительно недопустимы!

Нюта-Мария была невыносимо прекрасна. Стюардесса Эльза из утреннего поезда не стоила ногтя Нюты-Марии. В её пылающем великолепии был различим отголосок высшей секвенции, Арсений на мгновение закрыл от восхищения

глаза, генетический материал Нюты-Марии был дистиллирован в кипящих радугах Ирия, её суть была воплощена у подножия блистающего Престола, под звуки алмазных труб, под песни серафимов.

Голос. Её голос...

– То, свидетелями чего мы стали в прошлый ваш визит... Я даже не могу найти этому приличного объяснения!

Арсений ничуть не удивился бы, узнав, что Нюта-Мария живёт в пределах внутреннего периметра. В стокилометровой зоне он никогда не видел никого подобного. Если бы Нюта-Мария явилась на утреннюю вокзальную площадь, ей не понадобились бы проводники, она бы прошла сквозь площадь сияющим клинком.

– Во время прошлого сеанса Флоэма вела себя странно, думаю, в этом повинны ваши нелепые музыкальные эксперименты.

Она была испепеляюще прекрасна. Нюта-Мария, о, Нюта-Мария, мёд глаз моих...

– Я не знаю... – растерянно произнёс Арсений. – То есть я знаю – возрастные мизи порою склонны к депрессии...

– Ваша квалификация под большим вопросом, – перебила Нюта-Мария подчёркнуто официальным голосом. – Вы ведь не можете не знать, насколько ответственный завтра день. Завтра утром Флоэма общается с Госпожой! Вы это понимаете?!

– Да... – ответил Арсений. – Я понимаю...

– Нет, вы не понимаете! Вы явно не понимаете, какая на всех нас лежит ответственность! И именно поэтому я задаю прямой вопрос...

Нюта-Мария посмотрела на Грейди и каким-то образом одновременно с этим на Арсения.

– И я задаю вопрос, сможет ли Флоэма адекватно себя вести в таком, не побоюсь этого слова, форсированном состоянии! Думаю, вы не будете отрицать её эмоциональную неустойчивость?!

– Но...

Грейди подал Арсению глазами отчаянный знак – «не спорить».

– Вы представляете, ЧТО может произойти?!

Арсений покаянно промолчал и представил. Флоэма завтра встречается с Госпожой.

– Как вы планируете выходить из сложившейся ситуации? – спросила Нюта-Мария.

– У меня есть определённое видение...

В глазах Нюты-Марии промелькнула искренняя боль. Арсений подавился.

– Что это?! – Нюта-Мария понюхала воздух. – Что это?! Я различаю... Я отчётливо различаю... Чудовищную собачью вонь!

Митридат.

Арсений ощутил под коленями унижительную слабость. А что, если действительно Митридат? Если Марта перепутала

костюмы, а он надел костюм № 1, если это действительно Митридат, костюмы одинаковые, советовали же брать разные...

– Боюсь, Нюта-Мария, вы несколько заблуждаетесь, – сказал он, стараясь не допустить в голос дрожь. – Это отнюдь не собачьи гаммы. Осмелюсь сказать, это сугубая Флоэма. Каждый день перед выездом я совершаю все положенные манипуляции, включая пропитку...

– Вы ещё спорите! – Нюта-Мария божественно притопнула ногой. – Нет, вы только посмотрите на это фантастическое свинство!

Нюта-Мария обратилась к Грейди.

– Абсолютно, – согласился Грейди. – Это абсолютно недопустимо!

– Но я принимал усиленные...

– Меня не интересуют ваши гигиенические подробности, – оборвала Нюта-Мария. – Михаэль, принесите, пожалуйста, анализатор – сейчас мы всё доподлинно выясним.

Оказывается, Грейди зовут Михаэль. Забавно.

Грейди удалился. Арсений остался наедине с Нютой-Марией. Это было странно, весьма странно. Словно рядом с ним сиял необыкновенный холодный огонь. Арсений не осмеливался смотреть в её сторону.

– Если сударь не доверяет моему обонянию, прибегнем к приборному подходу.

Арсений хотел заверить, что в качестве обоняния Ню-

ты-Марии он ни в коем случае не осмеливался сомневаться.

– Я...

– Вы уверяли нас, что работаете исключительно профильно! – перебила Нюта-Мария. – Никаких псовых! У Флоэмы аллергия на псовых! Теперь мне понятно, откуда у неё эти перепады настроения! Теперь мне понятно, откуда подозрение на гипертонию!

– Но я оговаривал возможности совмещения...

– Или вы прекращаете свои безобразные практики, или я обращусь в агентство! – решительно заявила Нюта-Мария.

Появился Грейди с анализатором.

– Я смею заверить, что всё...

– Не двигайтесь, пожалуйста.

Грейди наставил анализатор на Арсения и запустил турбину. Прибор загудел, впитывая запах.

– Если от вас воняет – вы неимоверно пожалеете! – пообещала Нюта-Мария. – И вы тоже!

Она свирепо поглядела на Грейди.

– Разумеется, – поклонился Грейди. – Это несомненно.

Грейди нажал на клавиши анализатора, загудело громче, через минуту анализатор набрал материала, компрессор отключился, три зелёные полосы.

– Всё в порядке, – сказал Грейди. – В пределах погрешности. Несколько молекул на кубометр.

– Вы уверены? – Нюта-Мария нахмурилась.

– В пределах погрешности. Флоэма же представлена...

Грейди взгляделся в монитор анализатора.

– Шестьдесят восемь процентов.

– Попробуйте ещё! – приказала Нюта-Мария.

Грейди, то есть Михаэль, снова наставил на Арсения анализатор, запустил прибор. Он снова загудел и снова предъявил три зелёные полосы.

– Шестьдесят восемь процентов, – повторил Грейди.

– Хорошо, – стараясь держать себя в руках, сказала Нюта-Мария. – Но тем не менее ваши подработки могут стать серьёзной проблемой. Сегодня всё обошлось, но завтра Флоэма может почувствовать – и я не знаю, чем может это обернуться.

Арсений промолчал.

– Эта безобразная ситуация должна быть решительно преодолена, – провозгласила Нюта-Мария.

– Разумеется, – кивнул Арсений. – Я открыт к обсуждениям...

– А тут нечего обсуждать, – перебила Нюта-Мария. – Я ставлю два условия. Во-первых, вы, безусловно, оставляете свои кинологические упражнения – и это не обсуждается. Во-вторых, вы будете...

Нюта-Мария сбилась в формулировке, но тут же нашлась:

– Вы будете взаимодействовать с физическим аттрактантом в присутствии свидетеля!

Она указала на Грейди. Грейди поклонился. Арсений представил, как Грейди будет провожать его до шкафа, оби-

того изнутри бывшими лежанками Флоэмы.

– Разумеется...

– И решите, наконец, проблему её депрессии, – сказала Нюта-Мария. – Она завтра встречается с Госпожой, нам же не нужны инциденты?

– Инцидентов не будет, – заверил Арсений. – Собственно...

Нюта-Мария подняла руку, Арсений вздохнул.

– Готовьтесь. Флоэма ждёт.

Нюта-Мария удалилась. Арсений не успел заметить – она словно бы растворилась в воздухе, растаяла. Высшая секвенция, вспомнил Арсений. Возможность кратковременно-двигательной акселерации. Бесподобна.

– Это просто...

Арсений промолчал и промолчал в мыслях. Комната персонала наверняка была оборудована сканерами лицевой благонадёжности, от радикальных мыслей следовало воздерживаться и держать лицо в плоскости допустимых реакций.

А Нюта-Мария могла свернуть им шеи так быстро, что ни Грейди, ни Арсений этого не успели бы заметить.

Арсений промолчал.

– Ну что вы, – миролюбиво улыбнулся Грейди. – Нюта-Мария необыкновенная девушка, девушка широких взглядов, не побоюсь этого слова, гуманистических. Однако наша ситуация...

Грейди вздохнул.

– Возможно, вы знаете, но недавно имел место аналогичный инцидент – в башне «Истра» специалист вашего профиля проявил... ограниченную самозабвенность.

Ограниченную самозабвенность. Арсению захотелось стукнуть Грейди кулаком по голове, а потом немного вырвать ему глаза, однако, вспомнив про сканеры, Арсений сделал вид, что чихнул. И тут же пожалел об этом.

– Вы нездоровы? – встревоженно спросил Грейди.

– Нет, что вы! Просто чихнул...

– Вы проходили комиссию? – волновался Грейди.

– Конечно, в прошлом месяце. Я абсолютно здоров, возможно, это реакция...

Арсений вдруг в панике подумал, что не может придумать, на что это реакция. Любой ответ создавал возможные проблемы. Пыль. Аллергия. Спазм. Изменения микрор плотности, вызванные ускорением Нюты-Марии. Нюта-Мария. Предчувствие Флоэмы. Арсений едва удержал лицо от неприличной растерянности. Нюта-Мария божественно хороша.

Грейди понял это и пришёл на помощь.

– Так вот, я недоговорил. В соседней башне жила очаровательная маленькая мизи. Доброе, отзывчивое существо. Но однажды специалист вашего профиля допустил непростительную оплошность. Секундная потеря концентрации – и мизи серьёзно покалечилась – ей защемило конечность музыкальной шкатулкой. После этого у неё совершенно рас-

строился характер и она стала позволять себе... скажем так... безобразное.

– Чудовищно! – согласился Арсений. – И абсолютно недопустимо! Смею заверить: я никогда даже в мыслях не мог позволить себе такой некомпетентности! Вы же свидетель – я всегда относился к своим обязанностям серьёзно...

– Да, конечно. Впрочем, повторяю – я в этом никогда не сомневался. Знаете, я научился разбираться в людях... однако...

Грейди сделал паузу.

– Однако Ньюта-Мария права. Флоэма... не в полной мере психологически устойчива. Она... как сжатая пружина, она на грани... И что самое неприятное, она действительно завтра встречается с Госпожой. Вы представляете, что будет, если наша мизи сорвётся?

Арсений кивнул.

– Как вы думаете, возможно ли это предотвратить? – спросил Грейди. – Может, есть какой-нибудь способ?

Арсений задумался.

– У меня есть определённая идея. Думаю, всё будет хорошо, не волнуйтесь.

Грейди кивнул.

Арсений отправился в раздевалку. Он вскрыл сейф-сьют и переоделся. Входить к Флоэме позволялось в лёгкой одежде свободного кроя, ткани ни в коем случае не шерстяные, хлопчатобумажные, желательно льняные естественного цве-

та. Арсений достал из сейф-сьюта тонкую льняную рубашку с широким воротом, свободные мягкие брюки, парусиновые туфли без каблучков. Он переоделся, размял руки, помассировал переносицу.

– Пора, – позвал Грейди.

Арсений покинул раздевалку. Ключник уже ждал его. Они прошли по короткому узкому коридору и остановились на пороге.

– Удачи! – пожелал Грейди.

Арсений запустил хронометр и вступил в Обитель.

Здесь было прохладно и чисто. Рассеянный свет исходил от стен, потолка, пола, от воздуха, казалось, что в Обители светится даже воздух, казалось, что в нём плавают прозрачные белые искры. Арсений осторожно продвинулся в помещение и замер. Флоэма наверняка его уже заметила и теперь либо ждала, спрятавшись среди интерьера, либо подкрадывалась, скользила невидимой хищной тенью.

За спиной замкнулась мембрана.

Арсений осторожно, не делая резких движений, оглядывал Обитель.

Здесь всё оставалось по-прежнему, впрочем, здесь всё оставалось неизменным последние годы – любой новый предмет помещался в Обитель крайне осторожно, чтобы не травмировать психику Флоэмы. За прозрачной хрустальной стеной просматривался город. Ветер разогнал утренний смог, солнце пробивалось между башнями, начинался день.

Смена.

Три часа.

Семнадцать минут прошло. Арсений улыбнулся одними губами и сделал несколько шагов к центру зала. Флоэма не показывалась.

В центре помещения стоял рояль цвета кофе с молоком. Прекрасный инструмент, Арсению в присутствии рояля всегда было стыдно за свою музыкальную неловкость. Разумеется, Арсений повышал своё мастерство, визуализировал, играл дома, но понимал, что этого, безусловно, мало. К счастью, Флоэма обладала ограниченным чувством прекрасного, да и слух имела не идеальный, уровня Арсения вполне хватало. Недостаток исполнительского мастерства Арсений компенсировал кандидатской степенью в биологии. Да, у Флоэмы слуха не было, зато у Нюты-Марии слух был образцовый, она прекрасно различила несколько джазовых нот, которые Арсений, чего греха таить, действительно допустил в прошлую смену.

Следовало быть осторожнее, сказал про себя Арсений. Классика. Только классика, успокаивающая классика, Сальери, Шопен, Гайдн.

– Добрый день, Флоэма, – сказал Арсений. – Я пройду к инструменту.

Флоэма не показалась, Арсений направился к роялю. Он делал шаг и замирал, дожидаясь, пока Флоэма привыкнет к нему, делал следующий шаг, и ещё.

По всей Обители были расставлены многочисленные трёхуровневые плетёные лежанки и пуфы, чтобы Флоэма могла найти место для отдыха в шаговой доступности. Подставки, корзинки, пандусы и галереи были организованы таким образом, что Флоэма могла передвигаться по Обители, никогда не опускаясь на пол. Впрочем, если Флоэме вздумается спрыгнуть, перемещаться бы ей пришлось исключительно по ковру. Стены Обители покрывали драпировки с изображениями рыб и птиц, с потолка свисали канаты, вдоль стен улыбались каучуковые человеческие фигуры.

Флоэма упрямо не показывалась. Арсений подумал, что, скорее всего, у неё действительно депрессия. Вполне могло быть, весной мизи склонны к депрессии и порою к агрессии, этого не стоило забывать.

– Я сажусь за инструмент, – предупредил Арсений. – Начнём нашу встречу.

Арсений заметил движение справа, краем глаза. Поворачивать голову не спешил, Флоэма могла отреагировать чрезмерно, но скосил глаза к прозрачной стене. Ховер. Машина, качая бортами, держалась к югу, солнце играло на фонаре. Всего лишь ховер. Интересно, у Нюты-Марии есть ховер? Наверняка, вряд ли она добирается до башни общественным транспортом. У таких, как Нюта-Мария, должен быть ховер, иначе какой смысл...

Арсений остановил мысли и сел за рояль. Размял пальцы. Классика. Мизи предпочитает классику. Начнём. Вариации

Гольдберга.

Пальцы слушались плохо, сказывался вчерашний Митридат, Арсений сконцентрировался.

Коснулся клавиш...

Сегодня надо сыграть что-нибудь попроще, подумал Арсений. Что-нибудь успокаивающее, простое, классическое. Лунную. Нет ничего более классического, чем Лунная соната.

– Лунная соната, – объявил Арсений. – Бетховен.

Он начал играть.

Его самого всегда успокаивала музыка. Арсений начинал играть и через минуту чувствовал, как мир потихоньку отступает, остаётся лишь музыка и музыка. К тому же за игрой смена проходила быстрее.

– Эта музыка говорит нам о мире, в котором мы живём. О природе, о любви, о том, что великое искусство проистекает из самой сущности бытия. Искусство повсюду. И сегодня мы поговорим не только о музыке, сегодня мы обратимся к поэзии...

Арсений играл и рассказывал, Флоэма не показывалась и оставалась бесшумной.

*И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое,
Но ночь пришла, и нежно тень
Берёт усталого без боя.*

Обитель оставалась подозрительно безжизненной.

На секунду Арсений с надеждой подумал, что эта сука сдохла. Жрала с утра собственную шерсть, жрала – не могла остановиться, пока не подавилась и не задохнулась. И лежит сейчас где-нибудь, околевавшая, с высохшими глазами...

Арсений тут же отогнал эти неладные мысли. Если Флоэма сдохнет... Это катастрофа. Новое место вряд ли удастся найти сразу, потребуется как минимум год. И вряд ли это место будет таким же хорошим...

Арсений прикусил язык и мысленно пожелал Флоэме здоровья, долголетия, хорошего настроения, бодрости и всего-всего прочего.

– Поэзия Серебряного века ценится как знатоками литературы, так и широкой публикой. Серебряный век подарил миру множество прекрасных имён, но даже среди них фигура Иннокентия Анненского стоит особняком. Анненский – ведущий представитель интеллектуального направления в русской поэзии, предтеча Блока, Гумилёва, Тарковского...

Она возникла, вдруг появившись на одной из бархатных лежанок. Арсений не успел заметить, как она запрыгнула на подушки, действительно словно появилась.

Глаза большие и зелёные, гораздо больше глаз любой обычной мизи. Такие глаза намекали на редактирование, впрочем, вряд ли это действительно было так, отредактированные мизи давно вышли из моды, сегодня ценилась естествен-

ность и натуральность. Если не редактирование, то кровь. Флоэма, результат отборной евгеники, чудо селекции, сочетающее необычайную красоту, грацию и силу. И ум. Чем больше глаза, тем лучше развит мозг, тем тоньше восприятие мира. Флоэма. Похожа на тонкую статуэтку, что подчёркивал способ передвижения – Флоэма замирала, почти невидимым взмахом перепрыгивала и замирала снова. Шерсть необычного седого цвета, отчего перемещения Флоэмы напоминали перекаты ртути. Лапы длинные, что указывало на присутствие восточных линий, вытянутая треугольная морда, как на древних изображениях Баст.

– Поэтические структуры Анненского зачастую подчёркнуто дистанцированы от современности и тем более злободневности, поле поэта – Античность, отчасти Ренессанс, его лирический герой предпочитает оставаться в стороне, его роль – роль наблюдателя, с грустью отмечающего гибель и увядание...

Порода. Экстерьер. Изящество. Благородство в каждом жесте. Арсений ни разу не видел, чтобы Флоэма чесалась в присутствии посторонних или позволяла себе какой-либо другой неприличный туалет.

– Образное пространство Анненского кажется архаичным лишь на первый взгляд, однако...

Лунная соната закончилась, Арсений переключился на Вивальди, но тут же вспомнил, что чересчур энергичная музыка может подействовать на Флоэму возбуждающе, не сто-

ило связывать условным рефлексом музыку и возбуждение, возбуждение стоит привязать к иному, не столь явному раздражителю. Арсений переключился на Моцарта.

Моцарта Флоэма любила, это Арсений заметил давно. Под Моцарта она обычно спала, вытягивалась на лежанке, дышала ровно, иногда начинала урчать и чуть подрагивать хвостом, поэтому Моцарта любил и Арсений. Он исполнял бы его каждый день, но Нюта-Мария контролировала репертуар и следила, чтобы музыкальные произведения повторялись не чаще раза в месяц, а поэтические повторяться не должны были вовсе, за исключением случаев искренней радости. Искренне радовалась Флоэма редко.

Играя Моцарта, Арсений отдыхал, на Моцарте можно было продержаться полчаса, а то и больше. Нюта-Мария тоже любила Моцарта.

Арсений закрыл крышку рояля. Флоэма привстала на своей лежанке, потянулась, зевнула широко, исчезла и через секунду появилась на крышке рояля в нескольких сантиметрах от лица Арсения.

Он с трудом удержался, чтобы не отпрянуть. Флоэма вытянулась и поставила лапу Арсению на щеку.

Лапа тёплая.

Флоэма провела по щеке Арсения тёплой лапой, шершаво, пока шершаво.

– Стихи Иннокентия Анненского высоко ценила Анна Ахматова, его сборник «Кипарисовый ларец» был настоль-

ной книгой Александра Блока. Неоспоримо влияние Анненского на поэтов поздней эпохи...

Пора. Пора, подумал Арсений. Сейчас.

– Современники отмечали, что лирика Анненского находится в переключке с поэзией другого гения – Райнера Марии Рильке. Это не удивительно, Рильке любил и высоко ценил русскую литературу и поэзию...

Сейчас. Сейчас.

– В своих стихах, простых, но необычайно выразительных, Райнер Мария Рильке отразил боль и надежды поколения, жизнь которого прошла в ожидании мировой войны...

*Sein Blick ist vom Vorübergehn der Stäbe
So müd geworden, dass er nichts mehr hält...*

Арсений отметил, как нервно задёргался хвост Флоэмы.

*Ihm ist, als ob es tausend Stäbe gäbe
und hinter tausend Stäben keine Welt.*

Насколько Флоэма любила немецких композиторов, настолько же она не переносила немецких поэтов, Арсений это тоже давно подметил. Гейне вызывал истерический чёс, Гёльдерлин заставлял шипеть и выгибать спину, Рильке...

Разумеется, эта дрянь ничего не понимала в немецкой поэзии, но сам строй языка, лязгающие его звуки будили во Флоэме ярость.

Рильке выпустил бурю.

Флоэма выпрямилась и вцепилась Арсению в лицо. Зубами в кожу на лбу, передними лапами в щёки. Арсений понял, что случится в следующую секунду. И оно случилось – Флоэма подтянула задние лапы и несколько раз пнула Арсения в щёки. Когти, конечно, выпустила.

Арсений удержался от вскрика.

Он почувствовал, как натянулась и лопнула кожа, как царапины прошли по щекам, как когти разорвали нижнюю губу. Больно.

Это было необычайно больно. Арсений промолчал.

Флоэма сместилась рывком, теперь она сидела у Арсения на голове. Она оказалась неожиданно легка, она должна была весить вдвое больше, но весила мало, не больше трёх килограммов.

Капли крови падали на белую гладь рояля, на белые клавиши, на чёрные, это было красиво, отметил Арсений, льняная рубашка быстро промокла от крови. Арсений продолжил читать.

*Die Blätter fallen, fallen wie von weit,
als welkten in den Himmeln ferne Gärten;
sie fallen mit verneinender Gebärde.*

*Und in den Nächten fällt die schwere Erde
aus allen Sternen in die Einsamkeit...*

Флоэма ударила сверху лапами.

Когти неприятно скрипнули по сапфировым линзам. Страшно. Арсений старался не шевелиться – Флоэма зацепила и оттянула верхнее веко.

Слетают листья в тёмном октябре, кружатся листья от небес до сада, слетают листья, если сейчас она дёрнет, веко порвётся, придётся зашивать, только бы выдержала линза, надо достать клей для линз, конечно, это сажает зрение...

Арсений старался не дышать. Кожа натянулась так, что он мог видеть кровеносные сосуды на веках.

Боль.

Арсений улыбнулся.

Флоэма, будь ты...

Флоэма втянула когти и отодвинулась.

Кровь из многочисленных царапин собиралась в ямочке подбородка и оттуда стекала прерывистой струйкой. Морда Флоэмы была тоже перепачкана кровью, серебряная шерсть порозовела. Флоэма устроилась на лежанке сбоку от рояля и тщательно вылизывала лапы и спинку.

– Нашу сегодняшнюю встречу я хотел бы завершить музыкой, – сказал Арсений. – Я исполню признанное классическое произведение. Эдисон Денисов, концерт для фортепиано с оркестром.

Арсений заиграл, размазывая кровь по клавишам.

Флоэма продолжала вылизывать лапы.

Арсений играл, стараясь попадать в ноты.

Флоэма запрыгнула ему на колени.

Арсений замер. Есть чёткие правила, любое физическое воздействие категорически запрещено... Флоэма перетекла на плечо и теперь дышала почти в ухо, щекотала щёку жёсткими вибриссами.

Арсению захотелось чихнуть, но он продолжал играть. Терпеть. Терпеть. Терпеть. В сущности, это отличная работа. Такой работе позавидовали бы многие, такую работу поискать. Он искал её почти семь лет. Биофак, магистратура, работа в лаборатории прикладной бихевиористики, кандидатская, частная практика, рекомендации и вот, наконец, Флоэма. Флоэма позволила им переехать из Коврова, купить квартиру, начать откладывать на ребёнка, мечтать. Конечно, если бы не тот несчастный случай с Мартой, они бы уже смогли... но Марте не повезло, вернее, она допустила непростительную оплошность, забыла поставить линзы, и Астерий одним движением вывернул ей глаз. А теперь...

Флоэма неожиданно заурчала и игриво потерлась спиной о локоть Арсения. Арсений выдохнул. Он протянул руку, собираясь почесать Флоэму за ушами, но вовремя остановился – покровительственные жесты крайне не одобрялись, как способные ущемить достоинство. Флоэма пришла в благодушное состояние, нервное напряжение отступило, мизи лежала спокойно и умиротворённо.

Арсений вернулся к Эдисону Денисову. Оставалось про-

держаться недолго, совсем недолго, раз...

Кровь на лице начала сворачиваться в коросту.

Флоэма насторожила уши. Арсений скосил глаза на часы и увидел, что смена закончилась, наступило время приёма пищи. В дальней стене Обители открылись двери. Всё.

Всё.

Арсений почувствовал огуречный запах свежей рыбы, Флоэма устремилась в Столовую.

Он потрогал лицо и обнаружил, что засохшие раны покрывают щёки и лоб, кое-где кожа свисает небольшими лохмотьями, на губах надулись малиновые пузыри. Арсений выждал минуту и медленно направился к выходу.

Он покинул Обитель и, покачиваясь, вывалился в сервисную. Грейди поглядел на него с сочувствием и вручил Арсению платок.

– Спасибо, – сказал Арсений.

– Флоэма переживает сложный этап в своей жизни, – сказал Грейди. – Не побоюсь этого слова, она сейчас находится в состоянии определённой фрустрации. Вы же знаете, что Госпожа не мыслит жизни без путешествий и отдаёт этой своей приверженности регулярную дань. И Флоэма всегда была верной спутницей Госпожи в её путешествиях, всегда.

– Да, безусловно, мне это известно, – сказал Арсений, вытирая кровь со лба.

– Однако после тех памятных африканских приключений здоровье Флоэмы ослаблено. Разумеется, доктора дают ис-

ключительно благоприятные прогнозы, но хотя бы на некоторое время они рекомендовали Флоэме ограничить перемещения – наша мизи весьма болезненно переносит джетлаги.

– Это ужасно, – согласился Арсений и сел на диван. – Не сомневаюсь, что скоро всё разрешится самым наилучшим способом!

– Да, разумеется. Но Флоэма весьма скучает по Госпоже, можно сказать, тоскует. Что не может не сказываться на её поведении, вы должны понимать.

– Я, разумеется, понимаю, – сказал Арсений. – И я бы попросил вас... на всякий случай ещё раз заверить Нюту-Марию, что я чрезвычайно ценю эту работу. И я абсолютно согласен с её доводами насчёт совмещения – это совершенно недопустимо.

Кровь перестала сочиться, Арсений спрятал перепачканный платок в карман.

– Я рад, что вы поняли всё как полагается, – сказал Грейди. – Ничуть не сомневался в качестве ваших компетенций. Мне кажется, Флоэма немного успокоилась, во всяком случае, сейчас она с удовольствием обедает – а такого, признаюсь, не случалось давно.

Усталость. Он привык к усталости, однако сегодня это была иная, большая усталость.

– Вот. – Грейди протянул Арсению пластиковый пузырёк. – Это поможет.

– Спасибо, у меня есть надлежащие препараты.

– Не отказывайтесь. – Грейди вложил пузырёк в руку Арсения. – Это весьма действенное средство, и в отличие от... Что вы ставите? «Турбо Ёж»?

Арсений кивнул.

– И в отличие от вашего «Ежа» не имеет побочных эффектов. Через день следующий сеанс, и вам необходимо быть в форме. Примите сейчас, и сразу две капсулы.

Арсений послушно принял две капсулы.

Что-то новое, подумал Арсений, чувствуя, как отступает боль и усталость. Видимо, из последних препаратов.

– Это... что-то... я не пробовал...

– Разумеется, – улыбнулся Грейди. – Это средство не распространяется за внешним периметром. Отдохните полчаса и поезжайте домой, отоспитесь – лекарство лучше действует во сне.

– Спасибо...

Арсений откинулся на спинку дивана.

– Нюта-Мария велела... Я к вопросу об аттрактантах. Дело в том, что дома я использую некий шкаф...

– Мы перевезём сюда ваш шкаф, – пообещал Грейди. – Хотя я бы рекомендовал барокамеру. У нас есть несколько барокамер, я поручу инженерам решить этот вопрос.

Арсений представил. Отныне он не будет входить в обитый подстилками Флоэмы шкаф, но будет ложиться в оснащённую подстилками барокамеру.

– Думаю, это позволит нам сотрудничать ещё эффектив-

нее, – сказал Грейди.

– Не сомневаюсь.

– Вот и хорошо. А пока я удалюсь – мне необходимо проконсультировать клин-мастера. Отдохните.

Грейди удалился.

Арсений выдохнул и провалился в воспалённый и быстрый сон. Он проспал несколько минут, увидел город, прекрасный и белый, и через этот город ехал вразвалку белый трамвай, Арсений ждал его и знал, что трамвай увезёт его в будущее, Арсений проснулся.

С трудом разлепил опухшие веки и потрогал лицо. Препарат Грейди, похоже, действовал – щёки хотя и были покрыты царапинами, но уже не болели.

Арсений пошевелил головой и вдруг увидел Эльзу. Ту самую стюардессу Эльзу, с которой он ехал в город, прекрасную с утра, сейчас же, после Нюты-Марии, казавшуюся вполне ординарной и блёклой. Эльза была обряжена в блестящий клининговый сют высшей защиты. Рядом с ней суетился Грейди, помогая ей надеть плюшевый костюм бурундука. Арсений никогда не задерживался после сеанса и теперь наблюдал, как клин-мастер готовится к процедуре дезинфекции. И пожалуй, слегка завидовал – даже если Флоэма решит напасть, плюшевая бурундучья шкура предотвратит серьёзную травму.

Стюардесса Эльза, обрядившись бурундуком, направилась к Обители. С роялем ей придётся потрудиться, с сочув-

ствием подумал Арсений, с рояля кровь так просто не смахнуть.

Эльза неуклюже переставляла ноги, прижимая к себе чёрный раструб вакуумного пылесоса. Сейчас Флоэма пребывала в Столовой, после чего переходила в Покои, где отдыхала до вечера. У Эльзы было несколько часов на уборку и дезинфекцию, ведь вечером, после ужина, Флоэма могла захотеть вернуться в Обитель, и к этому моменту в помещении должно быть чисто.

– Удачи, – прошептал Арсений. – Удачи.

Разумеется, Эльза его не услышала, она шагнула в коридор и исчезла в нём.

Арсений с трудом переместился в раздевалку, стащил перепачканные кровью рубашку и штаны, обтёрся влажным полотенцем, надел костюм.

Грейди проводил Арсения до нижнего вестибюля и пожелал доброго пути.

Арсений долго добирался до станции и дожидался электричку. Рабочий день продолжался, электричка была заполнена народом, но от Арсения старались держаться подальше. Он качался в вагоне, и видел отражение в стекле, и не узнавал себя, лицо распухло, глаза спрятались, нос спрятался.

На вокзале Арсений проследовал в зал первого класса и взял кресло-кокон. Дождаться экспреса в общем зале ожидания с таким лицом было небезопасно, до поезда оставалось два часа, и эти два часа Арсений дремал.

Пилюли Грейди действовали, они отодвинули не только боль, но и мир, он плыл за хрустальной стеной, за хрустальной стеной бродила Флоэма, за хрустальной стеной поджидал Митридат. Кокон вскрылся перед прибытием экспресса, Арсений поднялся и, стараясь не выделяться, направился на посадку.

В пассажирских креслах первого вагона спали усталые проводники, Арсений устроился на своём месте возле окна. Вагон не заполнился даже наполовину, компенсаторы загудели, и в этот же момент Арсений почувствовал, как нестерпимо зачесалось лицо. Он разбудил проводницу, она принесла спиртовые салфетки, и Арсений распределил их по лицу. Это облегчило зуд. Арсений лежал в кресле и смотрел в потолок.

Препарат Грейди был, безусловно, хорош. Он растворил мысли, продолжительное время Арсений ни о чём не думал, пытаясь найти смысл в расположении кнопок, лампочек и вентиляционных сопел над головой, это было занято, кожу щипало, Арсений находил в этом даже приятность.

Путь домой был всегда короче, изучая потолок, он не заметил, как экспресс вынырнул из туннеля и ускорился, за окнами продолжалась ночь, мир вокруг расплавился, превратившись во тьму...

Он летел через тьму. Он не хотел возвращаться домой, не хотел смотреть в глаза Марты. Видеть страх. Если он потеряет место, с квартиры придётся съезжать, искать жильё в

далёких пригородах, дорога удлинится на три часа, он практически перестанет появляться дома, про ребёнка можно забыть, да про многое придётся забыть. А если Нюта-Мария не подпишет характеристики, места ему не найти вовсе. Хорошего места.

Он сможет устроиться грумером. Массажистом на животноводческий комплекс или фистул-оператором. Вормером на гумусную ферму. Улиточником на плантацию. Младшим технологом на завод БВК. Откормщиком гусей.

Арсений уныло перебирал в голове доступные вакансии, и все они были понижением. Причём не просто понижением, а отступлением, они рушили планы и отбрасывали на десять лет назад, и надо было начинать всё сначала. Овоскопистом или сепаратором на птицефабрику, отделять петухов от куриц, перспективное направление. Восстать из должности сепаратора вряд ли удастся, это будет конец.

Арсений грустил, проклиная Грейди, Нюту-Марию, башню «Север», Флоэму.

Звонок.

Арсений очнулся и достал телефон.

– Вас беспокоит Нюта-Мария, – произнёс прекрасный голос.

Нюта-Мария. Нюта-Мария никогда ему не звонила. Никогда.

Руки задрожали, отвечать не хотелось, было невозможно отвечать, но Арсений знал, что сил отключиться у него нет.

– Да, Нюта-Мария, я слушаю.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, Нюта-Мария.

Пауза.

– Я посмотрела запись сегодняшнего сеанса и пришла к выводу, что ваш профессионализм...

«Оставляет желать лучшего», – успел равнодушно подумать Арсений. И собрался ответить, но, к счастью, не успел.

– Ваш профессионализм заслуживает значительного поощрения, – закончила Нюта-Мария.

Арсений почувствовал, как стало трудно дышать.

– Вы меня слышите? – забеспокоилась Нюта-Мария.

– Да, конечно.

– Вы меня удивили, – сказала Нюта-Мария. – Ваш сегодняшний пассаж... признаюсь, я не сразу поняла его суть. Но, должна признаться, вы меня действительно впечатлили.

– Спасибо... – растерянно произнёс Арсений.

– Думаю, что пришло время пересмотреть размер вашего жалованья в сторону повышения. Трёхкратное увеличение вас устроит?

– Разумеется, – ответил Арсений. – Это меня устроит.

Трёхкратное. Арсений постарался не всхлипнуть.

– Вот и отлично, – сказала Нюта-Мария. – Надеюсь, оптимизация жалованья позволит вам не отвлекаться на подработки?

– Да, безусловно! – заверил Арсений. – Ни о каких подра-

ботках больше не может быть и речи!

– Я рада нашему взаимопониманию, – сказала Нюта-Мария. – До встречи.

Нюта-Мария отключилась.

Арсений улыбнулся так страшно, что проходящая проводница отвернулась.

Прекрасный день. День, в который...

Арсению вдруг стало страшно по-настоящему. На какую-то секунду он с ужасом подумал, что сознание, иссушенное последними месяцами, сыграло с ним дурную шутку. Или препарат Грейди проявил причудливые побочные эффекты. И звонок Нюты-Марии есть лишь жестокая издёвка его измученной психики.

Он посмотрел на телефон и, обмирая, отметил, что вызов не определился. Более того, судя по меню телефона, никакого вызова не было вовсе.

Арсений в панике огляделся.

Подошла проводница, улыбнулась и протянула Арсению яркий подарочный бокс.

– Это вам, – пояснила проводница.

– Мне? – удивился Арсений.

– Да. Нюта-Мария совершила дистанционную покупку в магазине «Товары на борту» и попросила передать его вам со словами сердечной признательности!

– Спасибо...

Забыл. Как он мог забыть! Вряд ли телефон Нюты-Марии

вообще можно было определить.

– Спасибо. – Арсений открыл коробку.

Внутри обнаружился серебряный самописец с золотой инкрустацией. Отличная вещь. Удачный день. Великий день.

– Кроме того, Нюта-Мария открыла вам опцию повышенной лояльности «Пассажир-Соло».

– «Пассажир-Соло»?

– Совершенно верно. – Проводница улыбнулась. – В опцию включены завтрак, ужин и трансфер от места проживания до вокзала. Опция будет активирована со следующей поездки. Спасибо за то, что пользуетесь нашей компанией! Скоро мы прибываем!

Арсений улыбнулся в ответ.

Проводницы предложили воду и монпансье.

Оставшееся до прибытия время он тупо разглядывал самописец.

Когда экспресс остановился, Арсений почувствовал голод и вспомнил, что сегодня вообще не ел, и с перрона отправился к автоматам.

Вокзал был малолюднен, автоматы оказались пусты, но у кофейного Арсений купил сэндвичи с сыром. Он устроился на скамейке и съел два сэндвича, запив водой. Сэндвичи оказались неплохими, но после них Арсения потянуло в сон. Нужно было возвращаться домой.

Возле шлюза на полу сидел сострадатель с разбитым лицом. Кажется, без сознания. На шее болтался терминал, Ар-

сений приложил к нему универсальную карточку и пожертвовал тройную лепту.

Прекрасный день. Лучший день. Самый...

Запах. Сначала слабый, потом сильнее, потом вонь. Флорема. Арсений чувствовал её запах, сладковатый запах шерсти, смешанный с железным и кислым запахом крови, сэндвич шевельнулся в желудке, Арсений бросился в туалет.

Тошнило мучительно и долго, кусками сэндвича, желудочным соком, потом Арсений долго мыл лицо, полоскал горло и старался прийти в себя, его тошнило снова, потом он вернулся в зал ожидания.

Такси. Арсений забыл про такси. Он попробовал вызвать машину, но все были заняты, ближайшая освободится через сорок минут. Арсений не хотел ждать, он не выдержал бы сорока минут. Автобусы ещё ходили, два рейса, он мог успеть. Арсений надел галоши и вышел на пустынную вокзальную площадь. Пластиковые бутылки, масляные пятна, много масляных пятен и ледяных наростов. Он медленно пересёк пространство, стараясь держаться подальше от ледяных наплёпок, приблизился к лестнице.

Ступени были растоптаны тысячами ног, льда не осталось, и подниматься было гораздо легче, чем спускаться.

Поднявшись до середины, Арсений услышал возню и крики.

Полицейских было двое. Они оттащили лестничного к дереву, кажется, липа, вдоль лестницы росли липы, – и теперь

не спеша били его дубинами. Надо признать, лестничий Арсению понравился, лучше прошлого, лестничий звучал, как барабан. Полисмены учили его по рёбрам, звонко и пусто. Лестничий орал сначала громко, потом потише, потом стал булькать, с каждым ударом из него выплескивалась глупая вода.

Полисмены остановились передохнуть. Один стал курить, другой брезгливо закапывал в нос серебристые капли, тот, что курил, заметил Арсения.

– А тебе что надо? – спросил он. – Шагай дальше, поздно уже.

– Отстань от мимохода, – сказал другой. – Иди, мимоход. И они продолжили бить лестничего.

– Хватит, – сказал Арсений.

Полисмены не слышали его.

– Остановитесь, – повторил Арсений, стараясь придать голосу настойчивость. – То, что вы делаете, абсолютно незаконно...

– Ты что-то сказал, кажется?! – Курящий загасил сигарету о спину лестничего.

– Прекратите! – потребовал Арсений. – Это абсолютно неприемлемо!

Полицейские окончательно оставили лестничего и направились к Арсению. Злость. Арсений нащупал в кармане серебряный самописец. Ярость, о, Ньюта-Мария, пойми ярость мою.

Полицейские были тоже разозлены, однако, приблизившись, постарались принять официальный вид.

– Персональную карточку, пожалуйста, – попросил курящий.

– Что у вас с лицом? – осведомился второй.

Арсений сунул руку в карман, достал удостоверение, протянул курящему. Тот с опаской взял.

– Я, кажется, задал вопрос, – произнёс второй угрожающе.

Курящий толкнул его локтем и сунул удостоверение под нос.

– Си-Эй-Ти-талкер... – прочитал второй. – Кэт...

– Кэт-токер, – поправил курящий.

И тут же вежливо вернул карточку Арсению.

– Благодарю вас, мастер. Произошла досадная ошибка, приносим вам извинения.

Арсений демонстративно достал перчатки, натянул их и безглаголиво принял карточку. Достал из кармана портативный дезинфектор, с ещё большей демонстративной безглаголивостью обработал персональную карточку и только после этого вернул её в карман.

Полисмены поморщились.

– Предъявите идентификационные номера, – потребовал Арсений.

– Эй, ты чего... – Некурящий полисмен надулся.

– Вы отказываетесь предъявить идентификационные номера?

Полисмены быстро переглянулись.

– Я могу набрать. – Арсений похлопал себя по карману. – Набрать? – спросил он усталым голосом. – Я наберу, и вы поговорите с Нютой-Марией?

– Не стоит, – быстро сказал некурящий.

Он отстегнул экранирующий клапан над правым нагрудным карманом и предъявил номер. Его коллега поморщился и тоже поднял клапан. Арсений поднял телефон и зафиксировал номера и личности.

– Ещё раз извините, – сказал некурящий. – Всего хорошего!

Полицейские сделали слаженный шаг назад, развернулись и стали быстро спускаться по лестнице. Арсений же пошёл с трудом вверх.

И пылок был, и грозен день, Нюта-Мария, прекрасен и сладок вид твой, из груды мусора выставился лестничий.

– Мастер! – кричал вслед лестничий. – Мастер, спасибо, мастер! Я запомнил тебя, мастер!

Арсений поднимался по лестнице, пытаюсь понять, думает ли он о чём-то. Это было сложно понять. Слишком много всего произошло, слишком много.

Шагать получалось тяжело. Сердце словно распухло, давило на горло и мешало дышать, почти в самом верху лестницы Арсений обернулся. Лестничий забрался в палатку и теперь радостно разводил костёр в железной банке.

Арсений болезненно улыбнулся и поковылял к остановке.

Такси разъехались, и последний автобус ушёл, возле остановки дежурил моторикша. Тридцать токенов. Арсений заплатил и устроился в люльке.

Рикша был паршивый, люлька не отапливалась и громы-хала, готовая вот-вот оторваться от мотоцикла, но Арсений не боялся. Примерно через десять минут он почувствовал, что мир стал мутнеть и покрываться морозной сеткой, Арсений попросил остановиться, они остановились возле отбойника. Арсений посплюнявил пальцы и вынул линзы, хотел выкинуть, но водитель забрал их себе. Поехали дальше. Мотоцикл гулял по обледенелому асфальту, колёса переставляло на поворотах, люльку заносило, рикша хохотал.

Рикша пришёл в хорошее настроение, и каждый раз, когда мотоцикл опасно поднимался на два колеса и люльку отрывало от дороги, он хохотал. Он кричал о том, что всё катится к чёрту, весь мир, нормальных свечей не найти, что этанол дорожает, что с вокзальной площади утром убрали семнадцать мертвецов, и эти семнадцать – единственные счастливые люди в этом сраном городе и в этом сраном мире, что ещё только декабрь и шансов переждать эту зиму мало, так мало.

Арсений пытался закутаться в пальто. Лицо болело, но Арсению было хорошо.

Флоэма.

Флоэма, думал Арсений, ощущая глазами набегающий холод. Флоэма.

Александр Снегирёв

Человек будущего

Я уже в том возрасте, когда у друзей всё сложилось. Жёны, дети, квадратные метры жилплощади.

Среди моих знакомых есть один особенно целеустремлённый, всё у него безупречно, как в каталоге: жена увлечена дизайном и уходом за собой, старшая дочь учится в Америке, двухлетний сын осваивает айпад, модная собака корги грызёт игрушку, квартира радуется планировкой, отделкой и панорамным видом.

Любимое место моего приятеля – застеклённый балкон.

Уже не квартира, ещё не улица. Промежуточное пространство истины, чистилище между мирами.

С балкона он обзревает покорённый город, словно император. На балконе он позволяет себе слабости: сигаретку, а иногда и рюмочку. Жизнь его была бы безупречна, если бы не одна деталь.

Мама.

Нет, не её мама, его мама.

Пожилую иногороднюю даму перевезли в столицу, поближе к сыну и платной медицине. Тем более места в квартире всем хватает, можно даже не видаться друг с другом. Простор.

Только не для мамы.

Маме стало тесно, и она осуществила экспансию сразу по трём направлениям: курение, алкоголь и...

Сначала о первых двух.

Обжившись, мама очень скоро стала подстергать своего сына на балконе, лишая его возможности уединяться с упомянутыми сигареткой и рюмочкой. Мама принялась отыскивать тайники и нычки, стала предъявлять пепельницы, тяжело вздыхать, укоризненно смотреть, вспоминать деда Серёжу-алкоголика и выкладывать на видное место статьи о летальном исходе с рекламой реабилитационных центров.

Очень скоро вместо одной сигареты в день мой приятель перешёл на две, а воскресная рюмочка сделалась и субботней, и пятничной. Предаваться любимым удовольствиям вне балкона приятель не желал, противостояние нарастало.

Тут и возник третий, последний пункт списка материнских экспансий – компост.

Уроженка райцентра, расположенного среди полей, рек и заброшенных предприятий, она просто не могла жить без компоста. На балконе, да, именно там, было установлено ведро с крышкой. В ведро мама принялась складывать объедки, шкурки и скорлупу.

Ведро начало пованивать. То и дело его разоряла упомянутая корги, растаскивая гниль по полам из кавказского дуба.

Компост рос, как здоровый малыш, и скоро потребовал

утилизации. Мама легко нашла выход – устроила рассадку. Ладно бы цветы, нет, петрушка, помидоры, лук.

Урожай не заставил себя долго ждать, и мама начала закатывать банки.

Модный интерьер пропах соленьями, на балконе теперь хранились мешки с грунтом и садовый инвентарь, младший отпрыск освоил прополку, корги охотилась на жуков, заготовительные излишки раздаривались близким. Мне тоже досталась банка.

Приятель мой стал плохо спать, ему снилось, что мать сливает в ведро не только помои с их кухни, но и собирает по соседям. От мысли, что в компост идут не одни объедки, но и что похуже, он просыпался в холодном поту.

Наступили каникулы, приехала дочь.

Такая близкая, родная и вместе с тем заокеанская, новая.

После первых расспросов и ответов, в которых посторонний наблюдатель мог бы разглядеть снисходительность юной американки к местным предкам, она деловито свернула самокрутку и спросила, где тут курят.

– На балконе! – воскликнул отец, несказанно обрадовавшийся тому, что дочь курит. – Скрути и мне, пожалуйста.

Старушка-мама поджала губы, мудрая жена перенесла своё внимание в инстаграм, мелкий и корги с любопытством последовали за курильщиками.

Идиллия, однако, продлилась недолго. Не успел радостный отец чиркнуть зажигалкой, как дочь спросила:

– Это огород?

– Да, – вздохнул мой приятель. – Бабушка совсем того, старость не радость, повсюду помидоры, и самое стрёмное – чувствуешь запах? Компост, она развела тут компост. Прямо здесь, на моём балконе.

Он сорвал крышку с ненавистного ведра и продемонстрировал отвратительную картину плодородного разложения.

– О май гад... – воскликнула дочь. – Как это прекрасно.

Нет, ни мой приятель, ни вы, друзья мои, не ослышались.

Юная американка была восхищена. Возвращаясь на родину, она ожидала встретить милитаризм, гомофобию и нерациональное обращение с отходами.

Компост вернул ей веру в Россию.

Бабушка оказалась не сбрендившей старухой, а человеком будущего.

В квартире наступили стремительные перемены: мусор начали разделять и возить в пункты приёма; возить, естественно, предписали отцу, причём попытки выбросить всё вперемешку в первую попавшуюся помойку строго отслеживались и наказывались штрафами – у него отбирали сигареты. Матери запретили эпиляцию, потому что женщина должна быть естественной, духи и дезодоранты были реквизированы, потому что разрушают озоновый слой, спускать в туалете предписали не чаще одного раза в день – нечего разбазаривать водные ресурсы.

– В Нью-Йорке мы снимаем комнату в пятикомнатной

квартире, в каждой комнате по двое, а туалет один, но мы всё равно спускаем только в крайнем случае, – назидательно сказала дочь.

Мой ошалевший приятель почувствовал себя пузырьком кислорода в навалившейся толще плодородного гумуса.

Последние дни каникул своей дочери он провёл у меня. Придумал себе простуду и, чтобы не заразить домашних, иммигрировал ко мне.

Мы сидели на кухне за бутылкой и курили.

– Будущее мне не нравится, – сказал приятель.

– Хорошая закуска, – ответил я, пережёвывая маринованный помидор из той самой банки.

Дмитрий Захаров

Сучий потрох

День был тухловатый. Один из тех, когда диктор старшего канала только кривит губы и трещит про Америку. Когда без календаря ясно, что это вторник – такой же как вчера, такой же как завтра, в котором ничего не водится, а если что и было, то сдохло со скуки.

Хотя если сдохло – это всё же новость. Прогресс. А тут одна квартирная кража и два вялых суда по оскорблению памяти.

Вот и стоило идти в кримкоры?

Вика думала, что уж им-то точно не надо фигачить себя с утра отвёрткой – у них каждый день адреналиновый коктейль: жмуры, омовские сафари, падучая на заседаниях окружного. А здесь та же бодяга, что снаружи: опера бабятся, источники ссутся даже под эмбарго, и ещё народец произвёлся, максимум может соседа газом уморить – и то по пьяни.

В общем, хуерга плюшевая.

Целыми днями лазаешь по всем щелям, стараешься выковырять что-нибудь стоящее, а находишь только грязь под ногтями.

Вика даже позвонила своему экс-милому в приёмный покой, нет ли чего, даже какого-нибудь бытового ножевого.

Нет. Два дня тихо, только «иная пневмония».

– Вот всю дорогу у тебя так, – сказала Вика Серёге со вздохом.

Тот даже сделал вид, что обиделся. Но так-то ему приятно, что она продолжает. Звонит вот, а то даже зайдёт. Она знает. Про серёг Вика всё знает.

Грянуло ближе к четырём, когда она уже готовилась идти в монтажку – начитывать областную сводку. Раз своего нет, придётся занимать у старших.

Не пришлось.

Телефон занял редким голосом – она и забыла об этом рингтоне: Фиона Эппл со своим главным хитом. Вика недоверчиво посмотрела на имя звонившего. Неужто у нас сегодня Рождество?

– Да, – сказала она дурашливым мультяшным голосом, – что-то у нас сегодня?

И тот, что на другом конце (что за дичь в самом деле, какой ещё другой конец?!), сказал, что, похоже, началось. Что пошло. Поехало.

– Пошли! Поехали! – заорала Вика оператору, ворвавшись в подвальную «комнату релакса», где посреди бытового хлама, банных веников и микрофонных стоек лежал на диване Лёха Тунец.

Тунец втыкал в планшет, и появление Вики его ни фи́га не обрадовало. Он состроил кислую рожу, кряхтя приподнялся, оперевшись на локоть, и спросил:

– В морге опять что-то срочное?

– Иди ты! – огрызнулась Вика. – Ну давай уже бегом! Упустим!

– Игоря возьми.

– Нет Игоря.

– Игорь есть, – не согласился Тунец, – просто ты всех уже достала со своей ебаниной. А я дядя пожилой, мне вредно скакать по огородам.

Вика сказала «сука», а потом ещё «блядь» и «пиздец». Тунца это всё не заинтересовало.

Он снова улёгся на диван, сложил на груди руки и стал показательно разглядывать потолок.

– Смена кончилась два часа назад, – озвучил своё алиби Тунец.

И не врёт, гад. Кончилась. А два других оператора на выездах.

– Лёша, ну пожалуйста! – Вика даже нырнула внутрь «релакса», чего предпочитала никогда не делать, чтобы не наступить на что-нибудь неприятное или не схватиться за что-нибудь подозрительное. Конечно, тут же зацепила какую-то плоску, кастрюлю или что оно там – гремющая хренотень со звяком отлетела в грудь другой металлической ерунды.

Тунец, слушая эту музыку апокалипсиса, соорудил рожу-улыбаку, точно у какого-нибудь клоуна-людоеда. Высунул припухший белёсый язык, почавкал.

– С тебя ужин, – объявил он цену своей благосклонности.

– Блин, ну что ещё за подкаты-то?!

– Подкаты! – забулькал, подавившись смехом, Тунец. – Всё у тебя весна в одном месте. Жрать дома нечего. Купишь, короче.

Центральный проезд – это одно название. Никакого проезда, ничего центрального. Старый дом быта, кое-как перелицованный в торговый центр, точнее в «торговый центр». Плюс пара хрущёвок, парк вокруг холма, разрезанный напополам ступенями непонятно куда, вот, собственно, и всё.

Здесь есть аллея с вечно молодыми ёлками, которые то и дело торжественно высаживают разные депутаты. Ёлкам место не нравится, и они мрут: сохнут, рыжеют и наносят аллее репутационный ущерб. Их выкапывают и меняют на точно такие же, только ещё зелёные. После этого всё повторяется.

Вот между этой аллей и ТЦ они и произрастали – ментовские. Семь-восемь сине-зелёных теней. Почему зелёных? Игры закатного солнца. Или, может, ёлки так шутят.

Вика и Тунец подбирались к ним аккуратно, можно сказать, с подветренной – хоть общие виды взять, и то хлеб. Но вообще нужно поближе – а то мертвец почти неразличим. Кулёк в ссаной луже какой-то.

На полусогнутых, как будто это могло сделать их более незаметными, Вика и Тунец – камера и манипулятор – крались к спорящим ментовским. Потом наверняка выяснится, что один из них фээсбэшник, другой – эмчезовец, а двое,

например, вообще секьюрити из ТЦ, но пока все они единый прихват.

Вика чувствовала, как стук сердца переползает в кончики пальцев: руки подрагивают от предвкушения мгновенного губельного счастья за секунду до того, как сине-зелёные наведут на неё антенны и растопырят жвалы. В этот момент и откроется спрятанное за их брюшками тело. Сенсациснный мертвец. Убийство века.

Страшный кулёк будёт схвачен камерой и утянут. Распотрошён. Переварен и отрыгнут кричащим птенчикам. Наши птенчики заждались.

Менты начали оборачиваться, и Вика тоже быстро оглянулась на Тунца – не провафлил ли момент. Нет, хоть в этот раз работает нормально. Вика развела руки и нарисовала на лице блядскую улыбку превосходства. Так можно попробовать выкружить у сине-зелёных ещё секунд пять.

– Так! Отойдите! – Но Вика уже увидела всё, что ей было нужно. Камера наверняка тоже.

У трупа не было изогнутой шеи или разбросанных в стороны ног и рук. Мешок и мешок. Вика даже не сразу сообразила, что это плащ-палатка так облепила тело и трудно разобратъ, где теперь что. Вот пятно крови – да, пятно большое, интересное.

– Ещё один?! – крикнула Вика в ответ.

Ближайший ментовской зло скривился. Из-за него показала красная рожа замначальника УВД.

– Михал Семёныч!

Майор Вику явно узнал, но сделал вид, будто о чём-то срочно задумался, и срулил в сторону.

Ментовские, вопреки ожиданиям, не бросились всей толпой к журналистам: трое стали забирать вправо вслед за майором, ещё двое тупо топтались на месте и только пара си-не-зелёных попробовала даже не бежать, а идти навстречу Вике, делая какие-то невнятные преграждающие знаки.

– Зона закрыта!

– Отойти!

Вика тоже вильнула в сторону майора. Пока она была быстрее этих туповиков. Может, и дальше...

– Господи! – выдохнула Вика.

Хвост, который они теперь спешно пытались накрыть курткой, был большой, рыже-белый. Опрятный, почти игрушечный. Даже непонятно, как его так деликатно отрезали. Может, мыли потом? Или это сейчас уже отработано – как скальпирование, например?

Вика потрянула головой. А у двух ранешних трупов хвостов не было? Вот это, чёрт, история!

– Лёша, снимай!

Но и без руководящего указания Тунец уже обошёл ментовских с фланга. Всё же профессионализм пропьёшь, но не сразу.

Тунец менял планы, чтобы поймать сразу хвост (его уже закрыли, но краешек всё равно высывался), размахиваю-

щих руками ментовских, труп, урну, два кирпича и тряпку, которыми «огородили» место убийства. Кровавая лужа. Хвост. Лужа и хвост. Урна и менты.

Может, Лёха даже оправдывается этой съёмкой за свои постоянные проёбы в последний месяц. Может, его даже вынут из подвала снимать что-нибудь для краевых старших. И Вика тоже. Такую картинку и старшие запросят. И может, даже будет спецреп. Да наверняка.

– Та-а-ак! – раздалось справа.

Тунец полетел на землю, прижав к груди камеру. Несколько раз получил с ноги по рукам и в корпус, продолжая прикрывать бесценное фоторужьё. Откатился, вскочил и понёсся на фиг – зигзагами.

– Что за хрен! – заорала Вика, отшатнувшись от двоих сине-зелёных, напавших на оператора. – Не трогайте меня!

Её никто и не трогал.

Заявку на сюжет сбросила по пути. Теперь главное – быстро отмонтировать и чтобы Вителло до этого не захотел смотреть материал, а то можно завязнуть и не попасть в восьмичасовой выпуск. Директорское трусло ещё, чего доброго, будет ждать согласования с ментовскими, и тогда историю вообще заберут в крае. А история-то приличная. ТЭФИ не ТЭФИ, но мало ли как развернётся.

Не хрен собачий.

«Хонда» с перебитым крылом, дверь, которая не хочет от-

крываться, лестница: двенадцать, восемь и ещё четыре ступени. Пыхтящий за спиной Тунец, который беспрерывно ноет про пострадавшие ребра. Это он довольный. Недовольный бы он орал.

Дверь монтажки, вторая дверь монтажки. Да, Игорь, прямо сейчас. Ну останови Катин сюжет. Я сказала, останови! Сейчас увидишь!

– Прямо то же самое? – спросил заглянувший Вителло, а Вика услышала: «Тебе твои मुдаки не пытаются продать ещё одну туфту?»

– Близнецовый жмур, – подтвердила Вика значительно.

– Надо же, – то ли недоверчиво, то ли просто удивлённо отозвался Вителло, – в самом деле маньячило, значит. А ты говорила, день фиговый.

– День без трупа по-любому тухловатый.

Вителло начальственно ухмыльнулся.

– Ну вот видишь, стал поживее. А я вот на твоём убийстве бутылку проспорил, – пожаловался он.

– Думал, два прежних случая – не в связке?

Вителло ничего не сказал. Он только многозначительно приподнял бровь, что можно было трактовать как угодно: от «Ну думал – и что?» до «Маловато знаешь, Викуля. А то, что тебе кажется связными выводами...».

– Про маньячилу говорить в эфир даже не думай, – предупредил Вителло.

– А я и не думаю.

– Отсмотрю, – пообещал директор и исчез.

Начитала текст быстро, но режиссёр Игорь долго возился с нарезкой, жаловался на прыжки Лёхиной камеры и фиговый свет.

– Наоборот, аутентично вышло, – взялась спорить Вика. Ей правда понравилась картинка прифронтовых съёмок, которая внезапно вылезла на монтаже.

Вителло позвонил за девять минут до эфира.

– Сюжет мы снимаем, – безо всяких прелюдий сказал он.

– Ты спятил?! – завопила Вика.

Вителло вздохнул. Подождал, пока Вика проорёт первую порцию проклятий. Чем-то там (зажигалкой, наверное, у него всё время под рукой эта негорящая зажигалочка) пощёлкал и вдруг, очень чётко поймав паузу, врезал:

– А ты в курсе, чьей собаки это хвост?

* * *

Она снова разложила фотографии – теперь не по годам, а по выразительности. Конечно, кадр в детской военной форме (сколько ему тут – девять, одиннадцать?) – лучший с огромным отрывом. И как он здесь хохочет! Прямо слышно.

– Школу надо его именем, – сказала она, разглядывая руки, обнимающие на фото самодельную винтовку.

– Думаешь, так серьёзно? – охнула Галка.

Вера даже не удостоила её ответом. Куда уж серьёзнее. Такая история не просто так даётся.

– Может, не надо пока накалять? – попробовала вильнуть Галка, но Вера на неё так зыркнула, что та вздохнула и закивала:

– Да, надо, наверное, надо...

Жертва – их выпускник, и именно из бывшего Вериного класса. Кишки наружу, как у какой-нибудь собаки. Подарочек.

Она помнила его: ушастый мальчишка со шрамом на щеке. В хоре пел. Не то чтобы хорошо, но самозабвенно, высоким таким голоском. Кастрат. Она про себя звала его «кастратик». Приятный пацан. Вроде даже не хамил никогда. Сейчас таких не делают.

– Начали делать газету? – спросила Вера, глядя пальцами заломанный по краям снимок классного построения.

– Газету?

– И вообще оформить надо при входе. Чтобы было куда цветы положить. Захотят же положить. В 96-й, когда погиб их доброволец, не догадались...

Она осеклась. Это лишнее или нет? Сейчас уже так говорят – доброволец? Пора бы уже говорить, в самом деле-то! Стыдятся всё, а чего стыдиться-то? Но, может, и есть причина. Вера внимательно смерила подшефную (это она так про себя её называет – «подшефная», пусть и директор). Галка вроде даже не заметила. Или сделала вид, что не заметила.

Главное, чтобы не побежала докладывать.

«Это я про неё сначала всё расскажу», – подумала Вера.
– А-а, – прорезалась Галка, – мемориал.

Мемориал.

Вера вдруг – внезапно и для Галки, и даже для самой себя – заплакала. Слезы брызнули из глаз злыми клоунскими фонтанами – как и не свои... этот погибший мальчик и ещё другой. И её собственный сын. Он не имеет к этому никакого, нет. Он утонул. Но сейчас, когда эти мальчики... Когда они как один встали на защиту... он тоже, тоже один из них... У него тоже была вот такая фотография – с деревянной винтовкой... и шрам – только не на щеке, а на левой ладони. А его мать... мать кастратика – как она выглядела?..

– Вера, Вера, ну что ты! – Галка схватила её за плечи своими пухлыми лапищами, потащила к столу, в стакан, – на, на, выпей... да ты что... да мы все вместе... ты правильно говоришь... наш герой.

* * *

Она так скулит ночью, что теперь все сны булькают и растворяются в этом собакоплаче. И поэтому во сне у Ани тоже негабаритки. Они ничего не делают. Они только смотрят. Только это всё равно не «смотрят». Это – СМОТРЯТ.

Анино сердце не разжимается. Как сжалось два дня назад – так и залипло, слиплось, свернулось холодной сколо-

пендрой. Противное маленькое сердце. Оно тоже требует плакать, оно тянет туда, где на бурой подстилке из тряпок, старого покрывала, какого-то бумажного мусора мучается Рыжая.

У неё лапа. Она дёргается и щурит глаза, когда пробует на неё наступать. И отпрыгивает. Будто от лапы отпрыгивает.

К лапе надо бы, наверное, что-то примотать. Но как это делают на живых? Да ещё Рыжая в страхе корчится, когда пробуешь протянуть руку к спине. У неё скоба. Аня так и не сообразила, как потрохи её воткнули и почему шкура перестала кровить. А может, она кровит, но просто под шерстью не видно?

Аня пробовала, глядя Рыжую по голове, посмотреть, что там сейчас со спиной, но собачина в ужасе отшатнулась, снова испуганно завизжав.

Аня стала её уговаривать: «Ты что, ты что... всё хорошо...», но выходило совсем жалко. Кто бы пожалел саму Аню... И Аня решила – Милке. Милке тоже всех жалко, хоть она и храбрится. Скалится, лепит кривую ухмылку, а сама жалеет.

Вот и Рыжую. Рыжую – наверняка.

– Рыжая собака по имени Рыжая, – скептически заметила Мила. – Без хвоста. А что из спины торчит?..

Аня рассказала. Мила фыркала и дёргала головой, будто рассказ лип ей на лицо, а она хотела его стряхнуть. Посматривала одним глазом на Рыжую.

– Ты же знаешь, что её сдать надо? – перебила Мила, когда Аня дошла до того, как, бросив велосипед, пробовала тащить Рыжую, а та огрызалась – но не страшно, вымученно. Как мама, когда...

– Не надо, – попросила Аня.

– Не надо! – передразнила Милка, вскочив со стула и взявшись внимательно рассматривать Рыжую. – Куда она у тебя гадить-то будет?

– Я ей пелёнку стелю.

– Она же здоровенная.

– Ну.

– Ну и как?

– Ну и так.

– Дурнина какая-то, – поделилась анализом Милка.

Рыжая опять заскулила. Милка протянула к ней руку, и собака попыталась отодвинуться. Только некуда.

Милка всё равно взялась гладить её по голове и хватать за ухо.

– Её, наверное, ищут все, – сказала она. – Ты её не фотала? Смотри, могут найти. Брат говорит, даже если не выкладывать, могут просканировать в телефоне фото.

Аня только хлюпнула носом. Ищут, а то как же. Может, даже прямо сейчас общупывают двор, траву и кусты, на которых кровь, подъезд.

Сейчас вот позвонят в дверь...

– Меня родители убьют, – заныла Аня.

– Пусть лучше родители.

– Ну не выкидывать же её. Ты же про сдать не взаправду? Мила смерила подругу мрачным взглядом.

– Сейчас лапу бинтовать будем, – сообщила она. – Пасть будешь зажимать, чтобы не вопила. И сама только не реви. Ещё на тебя добровольцы сбегутся.

* * *

Окно зала комиссий выходило прямо на площадь. Достаточно отдёрнуть штору, и ты уже будто в толпе. Тима пару раз аккуратно выглядывал: та же ерунда, что и раньше. Человек, может, тридцать, а шуму от них – как от русской весны.

Замначальника УВД позвонил – с издёвкой поинтересовался: ну что, разгоняем? По всем регламентам положено.

Да, блин, регламенты. Разгонишь тут.

– Ты чего опять завис? – с неудовольствием поинтересовался председатель. – Уснул? Давай-давай, я жду.

Тима вздохнул, посмотрел на подготовленную справку, но, поморщившись, сразу же заговорил о другом:

– Ну, юридически мы посмотрели с Людмилой... – Он тут же напоролся на председательскую ярость в стёклышках председательских очков.

– Что вот ты мне «юридической» в нос тычешь! – рявкнул шеф. – Ты по делу скажи!

По делу, да? Тима зачем-то погладил пальцами ухо, по-

дёргал мочку.

– Так-то ликвидаторы – никакое не боевое братство, как тут истерил Борис Александрович, – сказал он. – Среди них ветераны есть, но ещё пацаны из молодёжек и просто шваль разная. Они так у нас ещё и корочки попросят...

– Решат – будем и корочки выдавать, – отозвался председатель. – Твоё какое дело?

– Как собачки какие-то за ними бегаем...

– Никуда я не бегаю! Собачки! Я от вас, говнюков, жду предложений, а вы только ноете. Тима, кончай мне яйца крутить, понял?! Вы с ментом говорили?

– Говорили. А что он тут? Ну, три трупа. Да, все ликвидаторы, но это же неофициально... мы не будем подтверждать, он, само собой, тоже. Город у нас небольшой. Он хочет без особого шума через пару дней провести облаву. Правда, эти вот плясуны под окном не хотят ждать. От них был тут в лампасах один. Орал: мы – государству, а нам что – собачьи хвосты?! Справедливости, там, кричал. Выйти прямо сейчас на этого партизана, кричал...

– Башка у него тю-тю! – Председатель закатил глаза и потряс головой так ожесточённо, как будто ему в уши попали несколько аккордов дэд-метала. – А ты повторяешь! Рот заставлю полоскать с мылом! Ты вообще соображаешь, что здесь тоже могут быть уши, да? Партизаны – это ПАРТИЗАНЫ, герои! А тут какой-то выблядок, сучий кусок... вооружённый! Сопротивляется представителям!

Председатель встал, потопал ногой, удобнее распределяя её внутри остроносого ботинка, и тоже подошёл посмотреть на площадь.

Добровольцы-ликвидаторы – кто в медицинских масках, а кто в самодельных тряпичных, кто в обычной одежде, а кто и в изукрашенной трофеями – стояли довольно плотно, без плакатов, и только время от времени кто-нибудь вздымал вверх руку и размахивал собачьим хвостом на манер пращи.

– У мэра открутили, – довольно причмокнул председатель.

– А что, правда, это его собаки хвост нашли? – живо заинтересовался Тима.

Председатель только хмыкнул.

– А как у него оказалась негабаритка?

– Заслужил, наверное. Не задавай дурацких вопросов.

– Он же сам выступал.

– Сходи тоже выступи, лучше с ментом на пару. Объяви городской субботник-патрулирование.

Тима удивлённо уставился на шефа.

– Что смотришь? Перехватывать надо инициативу, учучу тебя. Субботник беги объявляй. Каждого сукина сына отловим! Можешь прямо так и сказать.

* * *

Звери – старая нефть. Люди – новая нефть. Человеческие

звери – нефть-нефть.

Это как чин-чин. Как вин-вин. Только с кишками.

Я не знаю, зачем это придумал тот депутатский ублюдок. Правнук Кагановича, что ли.

Может, бежал наперегонки с остальными пропагандонами. Может, попросили из головной душегубни. Ну, «попросили». А может, они, правда, перетрусили так, что завтра и вилки запретят.

Хрен ли разницы.

Сначала прошлись участковые менты – типа перепись. Храните приравненных к холодному оружию негабаритных? Надо бы сдать до 28-го.

Послал своего подальше. Недооценил. Недоверил, что его пометочка всерьёз. Он так чиркнул на листочке небрежно – две чёрточки под букво-крокозябрами.

И лист-то был замызганный, с мясом откуда-то выдраный. И там какие-то слова в кружочках, чернильные поллюции, скривившиеся стрелочки...

У нас часто принимают разной жути – типа, что если написал по-иностранному слово, которое есть и по-русски, то можешь на 30 суток стать загранагентом, а загранагента может кто угодно арестовать. Или если оскорбление исторической памяти, то теряешь родительские и право на наследование...

Но это всё через раз соблюдается. Даже через пять. С пятого на десятое.

Думал, и тут поорут в ящике и забудут. Недоверил я.

А участковый сам оказался одним из этих. Потрошной. В свободное от основной время.

Сергей Николаевич.

Потом в телевизор-газетах проявился мэр. Сдавайте, говорил. Серьёзная опасность, говорил. Ради учёта интересов граждан, убивался он. Вот и зоозащитники...

Да, зоозащитники.

Они были сразу потом. И их бы надо тоже. Но пока они – про запас.

Они ходили по пенсионерам. По мамашам. Они прибирали лишненьких. Они подбирали тех, за кого не очень держались. Гуманненько. Понимающе.

Они говорили: у вас крупная собачка только мучается. Посмотрите, как ей в квартире-то. И наверняка найдут. Ну не сегодня – так завтра. А не завтра – так в четверг. А знаете, что тогда будет, в этот четверг?! Лучше уж мы. У нас питомник за городом. Далеко: справа, если на Усть-Кан.

В их брошюрах говорилось, что негабаритки испытывают в городах страдания. Что сидение взаперти пагубно влияет на костную систему. И на мышечную. И вообще на здоровье. Особенно психическое. Вот и за прошлый год только в крае случаев нападения на человека... И вот в Японии. А в Китае...

Можно было с ними соглашаться. Многим приятно себе наврать с три короба. Так и быть, только я буду наве-

щать. Приеду через недельку-другую, привезу ей вкусненького. Конечно-конечно. Только лучше позвоните предварительно...

Потом ещё были из ГБУ «Жилищник». Эти деловые. Объявления по подъездам – чтобы все были в курсе. И все соседи – у кого кто. К кому приходить, если соберёшься. Вот в 68-й – стафф, в 84-й – овчарка и в 218-й ещё рыжая – пойдди разбери, какого роду-племени.

Но тут уже разбирать и не стали.

Стук в дверь – такой быстрый, истошно-женский, будто ты кого-то топишь ниже этажом. Открываю – двое: одного даже видел вроде в лифте. Мнутса и зло зыркают.

– Псину сдавай, – говорит тот, что покрепче. Ну как покрепче – не такой дрищ, как второй.

Я ему говорю:

– Сдай свой хуй бабушке.

– Тебе, сука, по-хорошему предлагают. – Это второй.

Хотел размазать его пюрешную рожу по стене, но тут баба тоже соседская какая-то выскочила из лифта и стала этого хмыря хватать за рукава. Визжит.

Так я закрыл дверь просто. Опять недодумал.

Наверняка кто-то из этих на меня и стукнул потрошкам.

Я слышал, их называли догхантерами. Но сейчас везде говорят «потроха». Им идёт. Куриные потрошки. У них куриные потрошки. С детства ненавидел этот мерзкий запах, из которого бабушка то и дело варила суп. Тогда вся её квар-

тира и вся наша квартира – мы жили на одной лестничной площадке – наполнялись вонью этих протухших животов.

Потрошки начали потихоньку выходить сразу после «Жилищника». Или даже вместе с ним. Говорят, у них даже бывают подряды. Но, может, и сами. У нас многие по зову сердца.

Сначала по одному. Потом стали сбиваться в отделения. Взводы.

Я сообразил только после того, когда они открыли соседа из 5-го дома. Ну то есть он им сам зачем-то открыл. Тогда потрохи засекли его алабая прямо в квартире. У них есть такие гибкие длинные пруты, похожие на раздвижные насекомые ноги, они называют их пауканами. Пауканы для того, чтобы перебивать лапы, обычно достаточно одной, но они предпочитают две-три – чтобы наверняка. А ещё ими можно проткнуть шкуру, а если сразу два паукана – так можно и тащить тело...

Соседу дали сопротивление законным требованиям, теперь он на три года уехал в Пермь. У нас говорят – в Пермь. А как говорят в самой Перми?

До введения закона в городе было шесть тысяч негабариток. Говорят, за две недели уработали половину. За два месяца – три четверти.

Пункт сдачи сразу за дамбой, километра два от Элковского пляжа. И ещё один вроде бы в районе свалки. Но это для крупного опта.

В какой они сдали моего Амура?..

Это неправильный вопрос. Я знаю, хорошо знаю.

Секрет правильного вопроса здесь в том, что такого вопроса нет. Вопроса давно нет, и, если ты его всё равно задаёшь, значит, ты просто мудак.

Я – так определённо.

Тут можно успокаиваться только одним. Потрошки тоже всё время задают себе вопрос. Кто это вынимает из нас кишки, кричали они сегодня на городской площади. Может быть, это мэр с его разрешением на собаку – не её ли хвост нашли? А вдруг уже на нас самих нужно разрешение? Или всё же маньяк? Или одиночка? Или из какого-нибудь «Жилищника» конкуренты?

Нет такого вопроса, потрошки. Честное слово, нету.

И про Амура я у вас спрашивать больше ничего не буду.

И про тех, кто был когда-то таким же Амуркой.

Я спрошу у вас только одну штуку – как вы, дорогие школьные герои, будете отличать меня от себя, когда мы выйдем сегодня в субботник на маньяка? Или на мэра? Или на кого там ещё? Смотрите, у меня такая же хвостатая шапочка. Такая же зубатая масочка.

Я такой же, как вы. Мы, быть может, даже одной крови – заодно и проверим.

Надеюсь, нам расскажут об этом в новостях.

Вы смотрите новости, потрошки?

Сегодня надо будет обязательно включить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.